Разумные основания для веры

АПОЛОГИЯ ХРИСТИАНСТВА

Кларк Х. Пиннок

Подготовка руководителей новых церквей
при помощи заочного библейского образования

ДХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ
Москва
1998

Originally published by InterVarsity Press
under the title REASON ENOUGH.
Copyright © 1980.

Copyright © 1985, Clark H. Pinnock.

Translated and printed by permission of Clark H. Pinnock.

Переведено на русский язык и печатается
с разрешения автора книги.

Русский перевод © 1998, BEE International.

Ассоциация “Духовное Возрождение”.
Лицензия ЛР №090060 от 29 сентября 1993 г.

Дороти и Саре
с любовью и признательностью
посвящаю

Содержание

Предисловие 9

Введение. Существуют ли разумные основания для веры? 11
Пять кругов 13
Что есть истина? 15
В чем я хотел бы убедить читателей? 17

1. Первый круг: прагматическая основа веры 19
Гуманистическая вера 19
Поиски смысла жизни 21
От тьмы к свету 22
Разумность веры 25
Проблемы нравственности 27
Проблема греховности человека 29
Может ли жизнь без Бога иметь смысл? 31
Заключение 33

2. Второй круг: религиозный опыт как основа веры 37
Замечательный факт 37
Человек в поисках Бога 39
Многие, но не все 40
Другие религии 42
Религиозный опыт и христианское благовестие 43
Христианская радость и мирское уныние 46
Что это доказывает? 46
Не гедонизм ли это? 50

3. Третий круг: космологическая основа веры 53
Естественное богословие: проповедь небес 54
Чудеса замысла 56
Сотворение мира 58
Некоторые другие доводы 61
Нравственный аспект 63
Поиск ясности 64
Первый шаг на пути к цели 66

4. Четвертый круг: историческая основа веры 67
Религия для трезвомыслящих 67
Достоверность источников 69
Кем же был Иисус? 72
Новое начало 76
Принцип аналогии 80
Что же это означает? 81

5. Пятый круг: социально-этические свидетельства веры 83
Подлинная революция 85
Влияние Евангелия на общество 88
"Будьте терпеливы, Бог еще не закончил работать надо мной!" 92

6. Если вы сомневаетесь 95
Псевдопроблемы 96
Маркс, Фрейд и феминизм 98
Подлинные трудности 101
Как быть с сомнением 104

Заключение 107

Примечания 111

Предисловие

Христианам всех времен не раз приходилось объяснять неверующим, почему они верят в Христа; и объяснения эти должны быть понятны всем — и атеистам, и поклонникам других религий. Моя книга — одна из таких попыток. Она адресована тем, кто хочет понять сущность христианского благовестия и ответить на вопрос: истина это или же заблуждение? Эта книга адресована также верующим, которые время от времени тоже задают себе подобные вопросы.

В 60-е годы я также написал книгу, посвященную этим проблемам. Она называлась *Представьте доказательства (Set Forth Your Case)*. В то время были широко распространены светские веяния. Сейчас ситуация существенно иная: испытав гложущую сердце пустоту мирской жизни, оказавшись в ситуации, когда глобальные проблемы ставят под вопрос само наше существование, очень многие обращаются к вере. Но чтобы полноценно жить и мыслить, одной только веры недостаточно. Вера, оторванная от разума, способна порождать бессмысленные суеверия и жестокие иллюзии. Мы должны подвергать свои убеждения критическому анализу, проверять умом осмысленность нашей веры. Имеющиеся в нашем распоряжении знания и опыт могут служить важной опорой в этом деле.

Я серьезно отношусь к вопросу об истине. Я не считаю, что мы должны быть преданы вере, не имея на то разумных оснований. Вместе с тем, я убежден, что существенные причины верить в Христа могут быть изложены достаточно простым языком, понятным не только специалистам. Поэтому я надеюсь, что мне удастся представить достаточно полную картину имеющихся свидетельств и осветить многие проблемы, связанные с исследуемой темой.

Аргументация в пользу христианской веры может быть развернута многими различными способами. Наверное, нет двух человек, которые стали бы делать это совершенно одинаково. Но все же я рассчитываю на то, что моя книга будет интересна многим из тех, кто еще не решился посвятить свою жизнь Христу, и что она поможет им сделать этот шаг[1].

Я пишу и для тех, кто не верит, и для тех, кто сомневается в своей вере. "Не премудрость ли взывает? и не разум ли возвышает голос свой?" (Прит 8:1). Я в полной мере ощущаю влияние мирской жизни, поскольку, размышляя над вопросами веры, я в то же время постоянно общаюсь с людьми из совершенно секулярной научной среды. Мне знакомы чувства людей, уверившихся в полной абсурдности мира, не видящих смысла обращаться к Богу и искать спасения. Мне не нужно напрягать воображение для того, чтобы представить себе сомнения и неуверенность многих, впервые столкнувшихся с требованиями Евангелия. Но я абсолютно убежден в полноценности христианского мировоззрения, в его интеллектуальном и нравственном совершенстве. Поэтому я рад возможности поделиться с другими теми доводами, которые мне удалось найти.

Все это важно не только для земной, но и для будущей жизни, а потому требует самого пристального внимания. Давайте вместе *подумаем о вере* и постараемся понять, что у нас есть достаточно разумных оснований для того, чтобы вверить себя Христу[2].

Введение

Существуют ли разумные основания для веры?

Христианами нередко становятся, совершенно не задумываясь над смыслом этого решения. Люди принимают Христа как своего Господа и Спасителя, потому что христианство взывает к их чувствам и, как им кажется, удовлетворяет их потребностям. Мысль о том, насколько разумен такой поступок, просто не приходит им в голову. Поэтому у многих мыслящих людей возникает вопрос: не лишено ли христианство в принципе всяких разумных оснований?

Такие вопросы вполне понятны. Они естественно возникают при поверхностном взгляде на христианство. Однако, присмотревшись внимательней, мы обнаружим, что для многих христиан вера сопряжена с долгими и трудными размышлениями. Обратившись же к истории христианства, можно увидеть, насколько Сам Иисус уважал требования разума.

Находясь в темнице, Иоанн Креститель усомнился в собственной вере в Христа как обещанного Богом Мессию. Он послал к Иисусу своих учеников, прося подтверждений. Иисус же не просто дал положительный ответ на вопрос Иоанна, но велел ученикам рассказать ему обо всем, что они сами видели: слепые прозревают, хромые ходят,

больные исцеляются, нищие благовествуют (Мф 11:2-6). Иными словами, Иисус привел обоснования Своего ответа.

Когда Его спрашивали, почему Он называет Себя Сыном Божьим и равным Богу, Иисус ссылался на слова, сказанные ранее Иоанном Крестителем, на свидетельства Ветхого Завета, на Свои знамения (Ин 5:17-18, 31-40). Уважительное отношение к свидетельствам и обоснованиям пронизывает весь Новый Завет. Евангелия были написаны для того, чтобы дать свидетельства в защиту христианского благовестия и ответить на вопросы, которые возникали у слушателей в связи с проповедью первых христиан.

Матфей, например, обращается к ветхозаветным пророческим книгам, чтобы доказать, что Иисус — это обещанный Богом Мессия. Лука в самом начале своего Евангелия говорит, что намерен убедить Феофила в истинности Благой Вести (Лк 1:1-4). Апостол Павел, благовествуя, нередко вовлекал слушателей в рассуждения и дискуссии о Слове Божьем. Почти все книги Нового Завета исполнены стремлением доказать истину христианского благовестия и ответить на вопросы, возникающие как у сочувствующих, так и у критиков[1].

Есть, несомненно, люди, убежденные, что религия не может и не должна поддерживаться какими-либо разумными доводами. Одни из них считают так, потому что не имели возможности удостовериться в существовании таких доводов. Для других подобное убеждение вытекает из их образа мысли; в этом может проявляться влияние экзистенциализма. Вера, как они считают, по самому своему существу не должна быть связана с какими-либо доказательствами и всякая попытка ее разумного обоснования внутренне противоречива.

Я, однако, не думаю, что верующий может так просто обойти вопрос об истине. Наоборот, я просто обязан взывать к разуму тех, кто еще не убедился в необходимости принять Иисуса как своего Спасителя. Согласно Библии, вера не подразумевает поспешного решения, принятого без всякого размышления, равно как и слепого подчинения авторитету. Поверить — это значит от всего сердца довериться доброте Бога и Его обещаниям, довериться Тому, Кто постоянно убеждает нас в Своей реальности и в изобилии дает свидетельства Своей любви.

Нет ничего неправильного в том, чтобы тщательно взвесить все "за" и "против" и подробно рассмотреть все возникающие вопросы, прежде чем принять решение следовать за Христом. Христианское благовестие потому и оказывается для нас сегодня реальным выбо-

ром, что существует достаточно много разумных причин верить в Христа.

Пять кругов

Аргументы, приводимые в этой книге, распределены мной по пяти разделам. Я назвал их пятью кругами достоверности. Это пять тематических сфер, или пять категорий свидетельств, которые дополняют друг друга, обосновывают христианское понимание действительности и те требования, которые предъявляет нам Господь. Все эти аргументы так или иначе основаны на Писании, все они уже неоднократно использовались в христианской литературе на протяжении всей истории христианства. Каждый из пяти кругов будет подробно изучен в соответствующем разделе, а здесь я дам их краткий обзор.

В первом разделе обсуждается практическая ценность христианской веры; поэтому он называется "*Прагматическая* основа веры". Евангелие дает нам веру в ценность и достоинство человеческой жизни, столь необходимую каждому из нас. Желание придать своему существованию осмысленность — это глубокое экзистенциальное стремление человеческого сердца. Евангелие удовлетворяет эту нашу потребность, поскольку дает нам необходимую основу для уверенности в том, что жизнь действительно имеет смысл. Аргументы первого круга — это первоначальные аргументы в пользу веры; они не предполагают у читателя никакого интереса к религии в узком смысле слова, но затрагивают вопросы, актуальные для каждого человека.

Второй круг рассматривает *опыт* религиозной и в особенности христианской жизни. Значение религиозного опыта часто стараются преуменьшить, свести его к чисто "субъективным" переживаниям. Однако свидетельства о том, что испытывают верующие, весьма универсальны и производят глубокое впечатление. Поэтому их никак нельзя сбросить со счетов при рассмотрении общей картины. Мы имеем множество достоверных свидетельств о мистическом опыте жизни с Богом, и не последнее из них — свидетельство Самого Христа. Согласованность описанного в этих свидетельствах опыта веры с глубинными побуждениями человеческого сердца придает этому кругу аргументов решающее значение. Религиозный опыт — это реальный факт нашей жизни, который невозможно игнорировать. Евангелие указывает нам на возможность установления самой близкой связи с любящим Отцом. Такая возможность заслуживает исключительно внимательного отношения.

Третий круг аргументации содержит *космологические* (или метафизические) основания веры. Здесь мы расширяем сферу своих исследований, попытаемся увидеть тайны вселенной, заглянув за пределы непосредственного человеческого опыта. Людям всегда хотелось осмыслить не только свое существование, но и мир, полный самых удивительных явлений, с которыми необходимо считаться. Аргументы третьего круга показывают нам, что вера в Бога придает смысл окружающему нас миру, помогает естественному человеческому желанию объяснить и понять вселенную. Я убежден, что наука никак не затрудняет веру в Бога и не оправдывает неверия. Скорее, она предоставила нам дополнительные свидетельства Его существования. Псалмопевец восклицает: "Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь" (Пс 18:2).

Четвертый круг, имеющий дело с *исторической* основой веры, важен по двум причинам. Во-первых, центральный вопрос, рассматриваемый в Евангелии, — это вопрос о прямом вмешательстве Бога в мировую историю, в историю древнего Израиля и в жизнь Иисуса из Назарета. Во-вторых, этот круг сосредоточивает внимание на главном в христианской вере — на личности Самого Христа. Первые три круга готовят нас к тому, чтобы всерьез принять то, что говорит Евангелие. Но сами по себе они не дают возможности услышать Евангелие — весть о спасении, которую мы узнаем, рассматривая исторические факты.

Стараясь убедить царя Агриппу в истинности своего благовестия, апостол Павел говорит о событиях, лежащих в основе Евангелия: "...это не в углу происходило..." (Деян 26:26). Эти события происходили в реальной истории, и их подлинность может быть проверена. Афинянам же Павел, говоря о грядущем суде, сказал, что Бог доказал верность Благой Вести, "подав удостоверение всем, воскресив Его [Иисуса] из мертвых" (Деян 17:31). В конечном счете решение о том, стать христианином или нет, оказывается решением о роли в истории личности Иисуса Христа.

Пятый круг касается проблем, связанных с жизнью последователей Христа. Воскресение Христа и сошествие Святого Духа создали новую человеческую общность. Поэтому мы можем говорить о *социальной* основе веры. Необходимо помнить об обещании Иисуса исцелить как отдельного человека, так и общество. Хотя прошлое христианской церкви небезупречно, существует достаточно оснований утверждать, что благодаря Благой Вести возникло новое сообщество

людей. Обещание Иисуса стало живой реальностью. Тех, кто стремится принадлежать к Божьей семье, должно привлечь такое свидетельство.

В этом кратком обзоре пяти разделов я хотел бы показать, что Евангелие правильно с разных точек зрения. Оно — основа наших поисков смысла жизни и целесообразности мира; оно отвечает глубинным потребностям нашего сердца; оно описывает подлинные исторические события; оно позволяет надеяться, что на нашей стонущей от боли планете будет создано новое человечество. Все пять кругов составляют исчерпывающую картину свидетельств, которые крайне важны для обоснования истинности христианства. Христианская вера оказывает существенное воздействие на разные стороны человеческой жизни. Естественно поэтому, что свидетельства о ее истинности будут содержаться в различных кругах, которые должны взаимодействовать и дополнять друг друга в сознании читателя. Один из них сосредоточивает внимание на практической целесообразности, другой апеллирует к интеллекту читателя, но все они вносят свой вклад в полноценное доказательство истинности Евангелия.

Круг — не единственный возможный образ. Круги символизируют широкие области, содержащие различного рода аргументы и свидетельства. Но можно говорить и о различных аспектах, позволяющих обосновать веру с разных точек зрения, и о пунктах в защитной речи адвоката, который стремится убедить судью и присяжных заседателей.

Какой бы образ мы ни использовали, важно, что существует богатый выбор разумных свидетельств в пользу христианской веры.

Что есть истина?

В своей книге я не собираюсь обсуждать гносеологические проблемы и выяснять, каким образом мы знаем то, что мы знаем. Но я хочу в общих чертах объяснить, что я считаю разумным. Собственно говоря, я придерживаюсь того способа распознавания истины, к которому каждый из нас прибегает в естественных жизненных ситуациях.

Во-первых, мы приобретаем знания во взаимодействии с внешним миром. Следует признать, конечно, что утверждать это можно, лишь сделав ряд существенных допущений. Необходимо предполагать, в частности, что внешний мир действительно существует и что наши представления вполне соответствуют находящейся вне нас реальности. Эти убеждения, основанные на эмпирическом опыте и

здравом смысле, невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Однако без них мы просто не могли бы жить.

Скептицизм в отношении знания о внешней реальности может оказаться весьма увлекательной игрой. Но он не может составлять основу для принятия решений и совершения каких-либо поступков. Конечно, знание, основанное на восприятии, не отличается ни точностью, ни полнотой. Но у нас нет иного пути для взаимодействия с миром, и это именно тот путь, которым я намереваюсь двигаться дальше вместе с вами, мой читатель. Я убежден, что христианское благовестие вполне соответствует фактам нашего опыта и может быть подтверждено эмпирически.

Во-вторых, я полагаю, что единственный способ делать надежные выводы на основании того, что мы воспринимаем, — это последовательное и строгое размышление. Установить соответствия между наблюдаемыми явлениями и истиной, которая уже нам открыта, можно только с помощью мышления. Если, например, мы видим, что карандаш лежит на столе справа от ручки, а линейка лежит на столе справа от карандаша, то мы заключаем исходя из наблюдений, что карандаш лежит между ручкой и линейкой. Иначе быть не может. Этот вывод уже подразумевается в приобретенных нами знаниях, нужно только извлечь эту истину из имеющейся информации.

Познание станет невозможным, если мы откажемся признавать значение тех данных, которые уже у нас есть. Всякое взаимодействие с миром и с другими людьми возможно лишь тогда, когда мы признаем логические принципы в качестве основы мышления. В этой книге мы будем стараться соблюдать все требования логики и не делать никаких выводов, им противоречащих.

К чему я говорю все это? К тому, что никаких специальных требований к познанию я предъявлять не собираюсь. У меня нет ни неявных предпосылок, ни каких-либо особых философских принципов. Я считаю, что проверить утверждение об истинности христианского благовестия можно самыми обычными методами, точно так же, как мы проверяем все, что знаем. Для этого не нужно ни выдающихся умственных способностей, ни специального образования. Хотя аргументы, которые будут приводиться в этой книге, можно и должно обсуждать в разреженной атмосфере философских абстракций, их можно также изложить и простым, доступным для многих языком.

В чем я хотел бы убедить читателей?

Свою главную задачу я вижу в том, чтобы убедить читателей в истинности христианской веры, используя все имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства. Я не рассчитываю, что мне удастся решить эту задачу с помощью единственного свидетельства или аргументов, относящихся к одной категории. Напротив, я намерен предложить вам сопоставить весьма разнородные по своей природе линии аргументации, чтобы они в конечном счете образовали в вашем сознании единую картину. Давайте попытаемся вместе пойти путем, ведущим к истине. Я надеюсь, что в конце этого пути вы, как и я, признаете, что Иисус Христос — Господь и Спаситель.

Моя цель вовсе не в том, чтобы найти рациональное доказательство истинности веры. Я хочу лишь показать, что веру можно испытать в свете знания и что для того, чтобы посвятить себя Христу, не нужно приносить в жертву свой разум. В этой книге мы будем иметь дело с разумными и вероятными предположениями. Никакая наука и никакое мировоззрение не предлагает в действительности ничего большего; христианство же не предлагает ничего меньшего. Я верю, что придет такой день, когда Бог откроет нам Свою славу, и тогда не останется места для сомнений и колебаний. Но пока этот день не настал, разумные и вероятные предположения — это все, что нам доступно. Эти предположения не принуждают нас к вере; они лишь создают атмосферу доверия, в которой вера рождается и растет.

Я считаю, что именно таким способом Господь защищает нашу личную свободу — как в сфере познания, так и в вопросах личного выбора. Коль скоро Он предлагает нам Свою любовь, то совершенно естественно, что Он сохраняет за нами право принять Его предложение или отказаться от него. Едва ли можно было бы говорить о свободе, если бы Бог ежедневно и громогласно вещал нам с небес. Поэтому Он лишь кротко напоминает нам о Себе, как бы желая завоевать наше расположение, чтобы мы откликнулись на Его любовь.

Дело, однако, осложняется одним обстоятельством. При обсуждении фактов повседневной жизни мы вполне можем прийти к определенному выводу без того, чтобы это имело какое-либо значение лично для нас. Но чем сильнее задевает нас проблема, тем серьезнее и мучительнее становятся наши размышления. Вопрос о жизни и смерти едва ли допускает беспристрастную незаинтересованность. В то же время аргументы, которые относятся к нравственно и духовно значимым для нас решениям, требуют глубоких размышлений и оценок.

Решение, к которому призывает Евангелие, затрагивает все существо человека. Мы должны с самого начала отдавать себе отчет в том, с проблемой какого уровня мы сталкиваемся в данном случае. Мы не можем размышлять о том, принять или не принять Христа, так, как мы обсуждали бы, что будем есть сегодня на ужин. Однако вопросы, которые мы будем обсуждать, — это основные вопросы человеческого существования, и мы не вправе уклоняться от них, какими бы щекотливыми они ни были. Поэтому давайте постараемся рассмотреть их как можно более скрупулезно и как можно более откровенно.

Глава 1

Первый круг: прагматическая основа веры

Всем нам необходимо сознание того, что наша жизнь обладает подлинным достоинством и ценностью. В первой главе мы попытаемся выяснить, каким образом христианская вера дает основание верить в это.

Гуманистическая вера

Для многих наших современников гуманизм — это та система взглядов, которая утверждает ценность человеческой жизни и достоинство человеческой личности. Сам термин *гуманизм* возник в Италии в XIV веке и обозначал движение, отстаивавшее ценность античного классического наследия, пытавшееся утверждать терпимость и свободу мысли. Оно не противоречило христианской вере, но противопоставляло себя авторитаризму в церкви и стремлению подавить личную свободу. В наши дни, однако, этот термин приобрел иное значение. Гуманизмом называют светское мировоззрение, противостоящее традиционной вере.

Современный гуманизм принимает множество форм: марксистский гуманизм, экзистенциальный гуманизм, оптимистический гуманизм. В целом он составляет серьезную альтернативу той позиции,

которую я намерен защищать в этой книге. В XX веке было выпущено два "Гуманистических манифеста" (1933 и 1973). Для дальнейшего рассмотрения будет полезно указать на некоторые положения, общие для обоих изданий[1].

Во-первых, в них предпринята попытка придать человеческой жизни смысл и целесообразность, не прибегая ни к каким религиозным идеям и авторитетам. Поскольку, как полагают гуманисты, нет никакого бога, который мог бы нас спасти, человеку остается спасать себя самому; хотя религиозные символы и в прошлом, и ныне играют большую роль в жизни большинства людей, перед гуманизмом возникает задача заменить религию неким собственным "богословием".

Во-вторых, гуманизм, признавая, что христианская вера удовлетворяет ряд важнейших человеческих потребностей, утверждает, тем не менее, что она неразумна, но основывает свои построения на иллюзии, выдавая желаемое за действительное; а такую веру принять нельзя. (Читатель, полагаю, помнит, что я полностью разделяю требование разумно обосновывать свои убеждения; однако я не согласен с утверждением, что христианство лишено такого обоснования.)

В-третьих, гуманизм утверждает, что человек не сотворенное существо, а результат естественной эволюции, полностью предоставленный самому себе. Поэтому человеку следует самому искать средства для своего спасения. Возможность такого спасения первый манифест оценивает более оптимистично, чем второй, но оба они сходятся в том, что только внутри самого человеческого рода могут быть найдены нужные средства для решения этой задачи.

Гуманистическое мировоззрение стало весьма популярным в XX веке. Его приверженцев можно встретить в университетских кругах, среди многих образованных людей, а нередко и в церкви. Гуманизм — серьезный вызов для христианина, защищающего истину Евангелия. Как христианин, так и гуманист едины в том, что касается защиты достоинства *человеческой личности* перед лицом тех опасностей, которые ей угрожают. Но они совершенно по-разному рассматривают *саму основу*, на которой следует строить решение этой общей для них проблемы. Один пытается исходить из секулярного гуманизма, а другой — из христианской веры; вопрос состоит в том, что именно является лучшим основанием для защиты достоинства человека.

Вопрос о достоинстве личности и ценности человеческой жизни никак не назовешь академическим. Обе стороны, очевидно, признают

его важность. Но если когда-то и существовала возможность считать осмысленность и ценность человеческой жизни чем-то само собой разумеющимся, то теперь эти времена безвозвратно ушли. Наивная гуманистическая вера подверглась жестоким атакам и отступила. После появления трудов Галилея, Дарвина, Фрейда и Скиннера людям не так-то просто думать о себе, как об особых и ценных существах, имеющих свободу, смысл и цель в жизни. Теперь мы можем осознать, до чего незначительны мы во вселенной. Со всех сторон мы слышим о том, что мы лишь результат случайных мутаций и борьбы за существование, что мы — марионетки, управляемые неведомыми нам безликими силами. Под натиском таких утверждений наши легковесные допущения о достоинстве человека и ценности его жизни разбиваются вдребезги, и многие из нас чувствуют мучительную потерю всякого смысла в жизни. Мы не можем больше наивно цепляться за надежду на смысл; мы должны искать его, исследуя самые основы нашего бытия.

Поиски смысла жизни

Жизнь животного строго определена набором инстинктов, которые определяют его поведение в любой ситуации; проблема смысла жизни едва ли волнует его. С человеком же дело обстоит совершенно иначе. Все мы имеем потребность объяснять и понимать мир и свое место в нем. Мы буквально тоскуем по смыслу, нам жизненно необходима возможность увидеть собственный опыт в какой-нибудь осмысленной перспективе. В религии эта потребность находит удовлетворение. Исторически именно религия стремилась разрешить самые главные и трудные вопросы, возникающие у людей, открыть нам смысл нашего существования. Вот почему религия была центром человеческой жизни с самого начала известной нам по каким-либо источникам истории рода человеческого и, вероятно, продолжит свое существование и после того, как минет нынешний период секуляризации общества.

Религия — это смелая попытка увидеть мир, как нечто значимое для человека; она коренится в самой сущности человека, в его тоске по осмысленности[2]. Как в истории разных культур, так и в судьбе отдельного человека наступают такие моменты, когда все усилия понять и объяснить мир терпят крах, когда человек перестает понимать, кто он такой и зачем живет. Тогда все погружается во тьму и хаос. В таких случаях люди отчаянно нуждаются в чем-нибудь, во что можно было бы верить, в нормах, которым можно было бы следовать.

Именно такую потерю осмысленности наблюдаем мы в наши дни. Христианская вера непопулярна, а все альтернативные попытки обрести смысл жизни оказываются несостоятельны. Гуманизм, например, вынужден признавать, что человек не имеет присущего ему от рождения достоинства, его жизнь лишена всякого смысла и он полностью предоставлен самому себе. Согласно этому воззрению, человеческая судьба не может быть включена в какой-либо высший, объемлющий ее порядок и для человека нет иных ценностей, кроме тех, которые он создал себе сам. В такой ситуации можно вполне согласиться с Макбетом в том, что "жизнь — сказка в пересказе глупца, она полна трескучих слов, которые ничего не значат". В той реальности, где верующий находит Господа, они видят лишь пустоту. Потому естественно крушение всех человеческих ценностей, когда вокруг лишь бесцельность, пустота и скука.

Я всегда ценил честность бывшего директора Британской Гуманистической Ассоциации Х. Дж. Блакема, откровенно признававшего огромную трудность собственного своего положения посреди "бессмысленности всего этого". В самом деле, куда деться от "упорного отчаяния" Бертрана Рассела, нигилизма Фридриха Ницше, "абсурдности" Жана Поля Сартра, если в основе нашего существования нет ничего, кроме слепой случайности?[3] В гуманизме постоянно присутствует некое безрадостное чувство — в самом деле, Бог устранен из жизни, а ничего подходящего на его место найти не удается.

Верующий всегда может победить уныние, абсурдность и скуку. Его питают и поддерживают могучие символы надежды: любовь Отца, план спасения, грядущее Царство Божье, вечная жизнь. Но он не должен забывать о возможности пустоты и отчаяния, прежде всего ради тех, кому не хватает этой поддержки, кто только ищет основания своей жизни. Тому, кто стал христианином в детстве и не проходил через опыт экзистенциального мрака, прежде чем войти в свет грядущего Царства Божьего, нужно знать об отчаянии и сомнениях неверующих.

От тьмы к свету

Хорошая иллюстрация того, что выше было названо "экзистенциальным мраком", — пьеса Самуэля Бекетта *"В ожидании Годо"*, классическое произведение современной драматургии. В этой пьесе осмысленность и целесообразность жизни персонифицированы в лице Годо. Он должен прийти и спасти ситуацию, его приход — единственная надежда персонажей пьесы. Пока же Годо не пришел, можно

лишь сидеть сложа руки и ждать его, поскольку без него ничего не имеет смысла. Годо, конечно же, не приходит, надежда откладывается на неопределенный срок и, очевидно, оказывается вовсе неосуществимой. Жизнь выглядит трагической и тщетной, лишенной всякого реального смысла. Бекетт, я думаю, хорошо понимает, какое значение для нашей жизни и культуры имеет "смерть Бога". Потеря веры — это вовсе не переход от иллюзии к рациональности. В действительности это революционный сдвиг в сознании: мы уходим из области, в которой мир представлялся нам единым и осмысленным, и попадаем в сферу абсурда, где рано или поздно оказываемся во власти ощущения ничтожества и пустоты. Неверующий человек обнаруживает себя среди безликого мира, абсолютно безразличного к нему и совершенно бессмысленного.

В тексте десяти заповедей Ветхого Завета нет, как ни странно, прямого осуждения атеизма. Внимание Декалога обращено на людей, которые поклоняются не Тому, Кому следует, на тех, кто считает, что один бог ничуть не хуже любого другого, или на тех, кто верит в единого Бога, но чья вера никак не влияет на поведение. Но осуждения тех, кто не верит вовсе, там нет. С одной стороны, это объяснимо чисто исторически — вере в Единого Бога в то время противостоял политеизм, а не атеизм. Но, с другой стороны, возможно и экзистенциальное объяснение: атеизм не может быть существенной угрозой для веры, потому что, если принять его всерьез, нельзя прийти ни к чему, кроме отчаяния! Когда человек в полной мере осознает все последствия утверждения "Бога нет", увидит себя во вселенной, потерявшей всякую цель и смысл, и испытает ужасающее чувство тщетности любого слова и поступка, — тогда атеизм сразу потеряет для него всякую привлекательность.

Атеизм, если это не интеллектуальная мода, а серьезно принятая установка, неизбежно приводит к отчаянию. Не стоит угрожать наказанием или осуждением тому, кто и без того берет на себя столь тяжелое бремя. Атеизм заранее лишает человека какой-либо надежды. Неразрешимыми, да и, по существу, бессмысленными оказываются важнейшие жизненные вопросы: "Кто я? Откуда я пришел? Что я могу знать? Что мне делать? На что я могу надеяться?"

Потеря веры на Западе, уничтожив ряд существенных представлений о смысле жизни, привела к естественному и легко предсказуемому результату. Возникший вакуум заполнили верования самого разного рода. Это не только многочисленные новые культы и суеве-

рия, о которых так любят писать газеты, но также и достаточно развитые учения, претендующие на то, чтобы стать новыми религиозными системами, заняв место христианства.

Очень характерны в этом отношении теории Маркса и Фрейда. Каждый из них посвятил свой талант и значительные усилия тому, чтобы сконструировать такую жизнь и такое мировоззрение, которые могли бы заполнить пустоту, возникшую в европейской культуре в результате "смерти Бога". Они предлагают нам суррогаты богословия, отвечающие мирскому мышлению и стремящиеся завоевать доверие человека постхристианской эпохи. Их нарочитая антирелигиозность не должна скрыть от нас тот факт, что они предлагают систему взглядов, глубоко религиозную по своей природе и стремящуюся заменить в современной культуре традиционную религию.

Так, марксизм представляет собой в высшей степени визионерское, мессианское и утопическое учение, возвещающее спасение всему миру. Оно разворачивает захватывающую дух историческую сагу, охватывающую период от сотворения мира до завершения истории, от падения человека (возникновение эксплуататорских обществ и начало классовой борьбы) до наступления тысячелетнего царства абсолютной коммунистической справедливости. Маркс видел себя новым Моисеем, ведущим порабощенное человечество в новый Ханаан. Он буквально задыхался от желания рассказать всему миру о неизбежном отмирании государства и наступлении мира без войн, угнетения и классовой борьбы.

Маркс перевел библейские символы в исторический план, но вся его система остается при этом глубоко религиозной. Не случайно марксизм обрел так много фанатично преданных приверженцев. Я убежден, что пророчество Маркса о земном Эдеме — иллюзия. Сегодня мы можем судить об этом по плодам — попытки реализации учения Маркса привели не к созданию более гуманного общества, но к невиданному по размаху террору. Провал пророческих озарений Маркса — это не только неудача его экономической теории, но, главным образом, крах его религиозных устремлений, направленных на удовлетворение тех потребностей, о которых мы говорили.

Учение Фрейда также представляет собой некий мифологический и религиозный суррогат. Особенно ясно это становится тогда, когда сам Фрейд обращается к мифу в своих работах. Часть важнейших в его теории понятий никак не связана с поддающимися проверке экспериментами или наблюдениями, но требуют только веры в интуиции

самого Фрейда. Так, для "доказательства" в высшей степени оригинального утверждения, что всякий маленький мальчик жаждет убить отца и жениться на своей матери, используется лишь ссылка на греческий миф об Эдипе. Такой прием весьма характерен для Фрейда. Многие положения, содержащиеся в его работах, подтверждаются не фактическими данными, а примерами из мифов и литературных произведений. Благодаря такому способу аргументации, его учение гораздо больше похоже на богословскую систему, чем на научную теорию. Подобно Марксу, Фрейд видел в себе нового пророка, свыше предопределенного лидера, которого предают ближайшие друзья и оппонентами которого могут быть только шарлатаны, напичканные предрассудками. Хотя произведения Фрейда во многих отношениях оригинальны и плодотворны, они все несут на себе печать теологии и мифологии. Он, как и Маркс, прежде всего откликался на нараставшую с конца прошлого века потребность в новых жизненных основах, утверждающих осмысленность и значимость жизни без Бога.

Разумность веры

Вопрос о Боге встает сегодня для людей не столько в традиционной форме: "Есть ли Бог?", сколько в виде: "Есть ли смысл жизни?" Вера в Бога связана с основным устремлением человека — его тоской по смыслу. Бог — это разумная основа надежды и уверенности человека в том, что его жизнь имеет цель и смысл.

Чтобы прояснить это, Петер Бергер использует такой пример: маленький ребенок просыпается ночью, испугавшись страшного сна, и обнаруживает, что он окружен темнотой. В ужасе зовет он мать, чтобы успокоиться, уверившись в ее присутствии. Она передает ребенку свою любовь и уверенность в том, что никакой опасности нет. Она убеждает его, что все в порядке и бояться нечего; ребенок успокаивается и засыпает.

Это простой случай из повседневной жизни, но в связи с ним возникает более глубокий вопрос. Можно ли оправдать то ощущение уверенности, которое инстинктивно создает у ребенка мать? Разве реальность заслуживает нашего доверия? Разве человеческая склонность предполагать, что мир в порядке и даже милосерден (а это допущение сопровождает многие наши поступки), действительно чем-то обоснована? Как человек, верующий в Бога, я думаю, что да. Сам Бог поддерживает в нас то чувство уверенности и доверия к реальности, которое постоянно сопровождает нас в наших поступках. Например, это чувство присуще матери, утешающей ребенка. Если бы Бог не

существовал, для такой уверенности не было бы никаких оснований. Но если Он есть, то ситуация оказывается совершенно иной[4].

Рядом с этой уверенностью в том, что реальность заслуживает доверия, стоит постоянная склонность человека надеяться. Все мы — дети надежды, задумывающиеся о будущей жизни, которая является нашей целью. Вот как выразил эту мысль Блез Паскаль:

> "Мы никогда не живем настоящим, мы только предвкушаем будущее и торопим его, словно оно опаздывает, или призываем прошлое и стараемся его вернуть, словно оно ушло слишком рано. Мы так неразумны, что блуждаем во времени, нам не принадлежащем, пренебрегая тем единственным, которое нам дано... О настоящем мы почти не думаем, а если и думаем, то в надежде, что оно подскажет нам, как разумнее устроить будущее... Настоящее и прошлое лишь средства, единственная цель — будущее. Вот и получается, что мы никогда не живем, а лишь надеемся жить, и, постоянно готовясь к счастью, мы, естественно, так никогда его и не обретаем"[5].

Но какими бы мрачными ни казались перспективы, будущее не обескураживает нас. Мы продолжаем надеяться — надеяться вопреки мысли о том, что наши усилия обречены на полный провал. Мы цепляемся за тот смысл, которым, как мы верим, обладает наша жизнь. Человеческая жизнь всегда основана на надежде, даже перед лицом страшных опасностей. Более того, в самом центре нашей личности, по-видимому, существует надежда, отвергающая смерть.

С гуманистической точки зрения такая надежда иллюзорна. Смерть следует принимать как естественный конец человека. Нам не на что надеяться после смерти, разве что на продолжающуюся на земле после нас жизнь. Смерть надо принимать невозмутимо, как событие, фиксирующее точку, после которой человек перестает вносить свой вклад в развитие жизни. У отдельной личности нет будущего, но и весь род человеческий ждет только окончательное исчезновение: вселенная в руинах, как выразился Рассел. Всякая жизнь обречена на угасание: нет ничего, на что, в конечном счете, можно было бы надеяться или во что можно было бы верить.

Эта точка зрения вызывает ряд возражений. Прежде всего, такого рода воззрения — это точка зрения элиты, тех немногих, кто существенно преуспел в жизни. Для небольшой группы образованных и богатых людей, из среды которых и пополняет преимущественно свои ряды гуманистическое движение на Западе, такой взгляд на жизнь

имеет некоторый смысл. Но вряд ли эта точка зрения удовлетворит тех представителей громадного большинства человеческого рода, кому та жизнь, что дана им в настоящем, не дает повода для радости. Это большинство едва ли имеет возможность реализовать свой человеческий потенциал, ибо обречено на постоянный тяжелый труд ради пропитания и одежды. В такой ситуации надежда на жизнь после смерти приобретает очень большое значение: то, что лишь началось в этой жизни, может продолжиться в будущем. Если гуманисты правы, утверждая, что человек живет ради счастья, то следует признать, что мы умираем слишком рано. Движение по пути к счастью прерывается, едва успев начаться. Более осмысленно, однако, представлять себе жизнь как этап на ином, более продолжительном пути, который не кончается со смертью.

Христианское благовестие гораздо оптимистичнее, чем гуманизм. Если последний должен рассматривать человеческую судьбу как трагедию, то Евангелие настаивает на том, что жизнь каждого человека значима для Божьего замысла, включающего в себя обещание будущей жизни и вечного блаженства. Бог любит людей, а потому все будет хорошо для тех, кто этого желает. Та надежда, которую человек чувствует внутри себя и которую он так по-разному проявляет, совершенно оправдана. Мы имеем право сказать смерти "нет", потому что Бог дает нам основание надеяться на вечную жизнь[6]. Более всего поэтому современное общество нуждается в свежем взгляде, в евангельском понимании жизненного опыта каждого человека, в позитивном взгляде на жизнь, как на участие в воплощении замысла любящего Бога.

Проблемы нравственности

Мы живем в мире, полном страданий и несправедливости. Для всех нас — и христиан, и гуманистов — в нравственном плане весьма важен вопрос о том, как следует реагировать на несчастья других людей. Что значит — быть нравственным человеком? И почему, вообще говоря, мы должны поступать нравственно?

Здесь гуманисты сталкиваются с большой трудностью. Поскольку, с их точки зрения, самую главную ценность для человека представляет его земное существование, то всякое действие, не способствующее моей собственной безопасности или процветанию, лишено всяких разумных оснований. Совершенно непонятно, почему я должен ставить нравственные требования выше личных интересов. Каким образом может быть оправдан призыв к самопожертвованию?

Я вовсе не утверждаю, что гуманисты руководствуются только эгоистическими устремлениями, в то время как христиане всегда действуют бескорыстно, хотя предполагать это было бы вполне логично. Но я хочу нащупать разумные основания наших поступков. Этические воззрения базируются на нашем представлении о реальности. Для гуманиста последнее означает, что в своем поведении он должен руководствоваться собственными интересами. Этика самопожертвования, вызывающая восхищение как у христиан, так и у гуманистов, оказывается с точки зрения последних совершенно неразумной. Ее нельзя обосновать средствами гуманистической философии.

Давайте рассмотрим один простой пример. Муравьи, как известно, живут большими колониями. Поэтому муравей — существо, замечательное по своему альтруизму. К этому его склоняет, насколько мы знаем, инстинкт. Возможности для выбора у муравья нет. Представьте себе теперь такого муравья, который обладал бы умом и свободной волей, способного задумываться над своей жизнью и требованием приносить ее в жертву ради других. Вероятно ли, чтобы он, в самом деле, совершил такую жертву? Я думаю, что нет. Какое оправдание мог бы он найти для подобного поступка? Зачем ему предпочитать пользу сообщества, если его собственная короткая жизнь — это единственное, что у него есть?

Есть поступки, которые гуманисты, равно как и христиане, считают высокоморальными. Но совершенно непонятно, каким образом с позиций гуманизма можно разумно обосновать эту высокую нравственность, когда рассматриваемый поступок противоречит личной пользе. На мой взгляд, критики заслуживают не выводы гуманистической этики, а отсутствие у них разумных оснований.

Иммануил Кант был прав, когда заметил, что моральное действие подразумевает религиозное измерение[7]. Атеист Ницше тоже видел это и страстно отстаивал мнение, что человек, отказавшись от веры в Бога, должен быть последователен, а потому ему необходимо отказаться и от христианской морали. Он не испытывал ничего, кроме презрения, к своим единомышленникам-гуманистам, не желавшим понять, что христианская мораль не может пережить потери своих богословских оснований. Если она и сохранится, то лишь как привычка или безжизненная традиция. Айн Рэнд также хорошо понимает, что в рамках светского гуманизма невозможно рационально оправдать любовь к ближнему[8]. Любовь к ближнему — это этическое следствие

христианской позиции. Все это наводит меня на мысль, что решение самых трудных проблем человечества лежит не в сфере технологии или экономики, но в сфере нравственности и духовной жизни. Чего нам не хватает, так это такого представления о реальности, которое побуждало бы нас заботиться о ближних; именно это крайне необходимо в наше время.

Мы можем также увидеть религиозное измерение морали, попытавшись осознать те чувства, которые возникают у нас в душе, когда мы сталкиваемся с чудовищными злодеяниями — такими, например, которые были показаны в фильме и в серии телепередач *Холокост* ("холокост" — от греч. *холокаутома*, т.е. "жертва всесожжения" — термин, обозначающий уничтожение евреев нацистами и их пособниками в годы второй мировой войны. — *Примеч. пер.*). Эти кадры показывают зверские преступления против человечества, циничное попрание всех человеческих прав, вызывающее возмущение и омерзение. Столь страшные злодеяния, кажется, требуют возмездия, превышающего власть любого человеческого суда. В этом случае даже люди, склонные прощать антисоциальное поведение, считая его результатом общественных условий, отказываются от своей обычной склонности и выражают безусловное осуждение такого неограниченного зла.

Я разделяю эти чувства. Но, будучи христианином, должен спросить: "Откуда они в нас берутся?" Существует ли во вселенной такой суд, который мог бы в должной мере воздать за зло, не поддающееся отмщению со стороны людей? Разве мораль, в конечном счете, не есть нечто большее, чем просто условность, принятая в обществе? Разве не укоренена она в самой природе человека? Здесь обнаруживаются новые, более глубокие пласты нравственности.

Христианская вера может придать морали внутренний смысл. Она дает основание увидеть в других людях братьев и сестер, признать, что все люди обладают достоинством и ценностью, потому что они созданы по образу Божьему. Гуманизм не дает оснований для подобных выводов.

Проблема греховности человека

В связи с проблемой нравственных переживаний я хочу обсудить и другой вопрос. Для гуманизма характерна тенденция рассматривать человека как существо, в основе своей добродетельное, и рисовать будущее в розовых тонах. Как сказал однажды Джулиан Хаксли: "Во

что мы верим, так это в способности и возможности человека". Но мы должны спросить себя: насколько уместна такая уверенность?

Гуманизм хвалится тем, что опирается на опыт, но здесь он игнорирует то очевидное обстоятельство, что с поведением человека явно не все в порядке. Вера гуманистов в то, что человек по природе добр, очевидным образом опровергается при сколько-нибудь внимательном изучении жизни людей. Хотя мы способны на поступки, продиктованные великодушием и любовью, совершенно ясно, что себя самих мы любим гораздо больше, чем следовало бы. Результаты нравственного извращения обнаруживаются повсюду. Мы постоянно сталкиваемся с насилием, болью, отчуждением людей друг от друга. Психологам чаще всего приходится иметь дело с депрессией и чувством вины. Наше будущее кажется нам неопределенным, пугает нас. Едва ли этот страх вызван опасением, что нас подведет техника; пугает нас мысль о том, что человечество окажется не в состоянии решить стоящие перед ним нравственные задачи.

Возможно, некоторые христианские богословы преувеличивали воздействие греха на человеческую природу; в частности, это относится к традиции, восходящей к Августину. Тем не менее, представление о греховности человека существенно для христианского миропонимания[9]. И что особенно важно, это представление сопровождается верой в искупление, спасение и примирение с Богом, в новую жизнь в Духе Святом. Вера означает освобождение от постоянной и упорной сосредоточенности на себе; вера — это свобода любить Бога и других людей. Важно здесь еще и то, что сила, делающая нас свободными, находится вне нас.

Именно наша глубинная нравственная испорченность делает необходимым то искупление, которое произошло через воплощение, крестную смерть и воскресение Иисуса Христа. Хотя мы грешны, мы все же настолько драгоценны для Бога, что Он и Сына Своего посылает на крестную смерть ради нас. Во мраке нашей греховности нам сияет слово благодати, открывающее, что Бог любит нас. Достоинство человека и ценность человеческой жизни в значительной мере обнаруживаются благодаря такому проявлению Его любви.

Короче говоря, гуманизму не удается найти адекватную замену для веры в Бога. Как бы мы ни старались, мы не можем сами найти в жизни какой-либо смысл. Мы не можем решить проблем, возникающих в сфере нравственности. Лишь Евангелие предлагает нам такое

основание, которое невозможно поколебать, дает обещание спасения и надежду.

Может ли жизнь без Бога иметь смысл?

Но действительно ли каждый из нас чувствует ту тоску по смыслу, к которой постоянно апеллирует вся аргументация "первого круга"? Почему есть люди, которые как будто вовсе не задают себе вопрос о смысле жизни? В ответ я мог бы сказать, что разные люди просто находятся по отношению к этому вопросу, так сказать, "на разных уровнях".

Очевидно, что людей, всерьез озабоченных проблемой смысла жизни, очень много. Писатели и художники в своих произведениях говорят нам о поисках смысла. Но, кроме них, есть и другие люди, такие, для кого вопрос о смысле жизни еще не встал в полный рост. У многих из них есть весьма нехитрые представления о жизни, и они принимают все, чем живут, как само собой разумеющееся. Если обстоятельства складываются более или менее благополучно, то все свои жизненные устремления эти люди связывают с работой и семьей; это занимает их настолько, что вопрос о более глубоком смысле жизни представляется им каким-то заоблачным и, вообще говоря, лишним. К несчастью, однако, жизненная реальность подчас буквально по-бандитски набрасывается на человека, опирающегося в своей жизни только на поверхностные предположения. Какое-нибудь событие ломает привычный уклад, лишает смысла прежние надежды и намерения, как бы пробуждает человека ото сна; и тогда вопрос о смысле жизни перестает быть чем-то абстрактным.

Причина этого проста: счастье, основанное на мирских представлениях о безопасности, бесконечно уязвимо для "пращей и стрел жестокой судьбы", которая настигает нас в образе болезни, потери близких и любимых, экономического кризиса и других бедствий. Смысл жизни каждого из нас находится под угрозой; угроз этих немало. Они могут исходить как извне, так и изнутри нас; они могут, объединившись, полностью разрушить нашу жизнь, если в ней нет достаточно прочного основания.

Христианская вера предлагает нам как основание нашей жизни любовь Отца, которая неуязвима для разрушения. Как говорит Павел: "...ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем" (Рим 8:39). Этим всем я не хочу сказать, что человеку не следует находить смысл в житейских радостях; я хочу сказать только, что невозможно найти

действительно глубокий и прочный смысл в мире сем, в рамках того, что находится под контролем человека. Доброта и осмысленность жизни всегда будут под угрозой, пока они не встроены в некоторую структуру, которая не может быть разрушена.

Можно сказать, что под словом *Бог* мы подразумеваем, говоря словами Шуберта М. Огдена, "объективную основу самой реальности, благодаря которой мы уверены в том, что наше существование в конечном счете ценно и осмысленно"[10]. Поэтому вопрос, собственно говоря, не в том, есть ли Бог. За всеми другими вопросами, которые мы задаем себе, скрывается один главный: "Можем ли мы верить в какую-либо целесообразность реальности и своей собственной жизни без веры в Бога, Который все создал и все поддерживает, согласно Своему благому замыслу?" Иначе говоря, если нет Бога, Который все создал и Который заботится о Своем творении, то может ли жизнь в конечном счете иметь какое-либо значение?

Давайте поразмыслим о наших побуждениях и наших поступках. Даже если они никак не связаны с верой в Бога, за каждым из них стоит определенная уверенность в том, что окружающий нас мир — это не совершеннейший хаос, что в нем есть какой-то смысл. Семена веры всегда присутствуют в наших душах. Наша способность к какой-либо деятельности была бы парализована, если бы мы не исходили, пусть не вполне осознанно, из доверия к осмысленности и целесообразности жизни. Поэтому, продолжая жить и действовать, даже атеист показывает, что он должен в *каком-то* смысле верить в Бога и не может *во всех* отношениях отвергать Его.

Апостол Павел, обращаясь к афинскому ареопагу, процитировал древнего поэта-стоика: "...ибо мы Им живем и движемся и существуем..." (Деян 17:28). Те, кто не верят в Бога, часто думают, что можно легко обходиться в жизни без Него, и христиане подчас поддерживают их в этом мнении. Но, как сказал Павел чуть раньше, "Он и не далеко от каждого из нас" (Деян 17:27). Конечно, на словах отвергать Бога легко. Но не так-то просто отвергать Его в реальной жизни, потому что только вера в Бога может придавать жизни какой-либо смысл. Атеизм можно исповедовать, пожалуй, только теоретически; практически жить на его основе невозможно.

Я прошу вас, дорогие читатели, понять эту непоследовательность атеизма и постараться установить разумное соответствие между вашими осознанными убеждениями и тем подспудным доверием к жизни, которое вы уже ощущаете[11]. Если же вы возьметесь решить про-

блему иначе и, стараясь быть логичными до конца, решитесь укоренить неверие в вашей повседневной жизни, то вы не придете ни к чему, кроме полного саморазрушения — и в этой, и в будущей жизни.

Заключение

Христианское благовестие дает нам возможность верить в достоинство и ценность человеческой жизни. Оно говорит нам о том, кто мы есть на самом деле — мы, созданные по образу Божьему, мы, кого Он возлюбил вечной любовью. Христианство дает нам веру и надежду, чтобы мы могли жить. В наши дни часто пытаются свести все действия людей к условным рефлексам и инстинктивным реакциям, как если бы мы были изделиями, перемещающимися вдоль конвейера автоматической линии по командам с пульта управления. Подобная оценка человеческой личности приводит к тому, что в жизни и в обществе все начинает идти вкривь и вкось. Я, как христианин, не могу спокойно смотреть на этот процесс дегуманизации культуры. Я должен попытаться объяснить каждому, кто захочет меня выслушать, какой представляется жизнь человеку, который поверил истинному Богу — Тому, Кто открыл Себя в Евангелии. Первый круг нашей аргументации как раз и должен показать глубокий практический смысл доверия Богу.

Но стал бы Иисус использовать аргумент прагматической выгоды, чтобы привлечь людей к вере? Разве Он не предупреждал, что следование за Ним может потребовать больших жертв? Все это правда, но Его слова нельзя вырывать из общего контекста. И в проповеди Иисуса, и в других местах Писания раскрывается также и благая сторона веры.

Книга Притчей, например, постоянно призывает нас обратиться к мудрости, благодаря которой жизнь может стать благой и осмысленной. Премудрость говорит: "...кто нашел меня, тот нашел жизнь, и получит благодать от Господа; а согрешающий против меня наносит вред душе своей: все ненавидящие меня любят смерть" (Прит 8:35-36). Иисус тоже говорит о том, что Он дает жизнь во всей полноте, "с избытком", и обещает, что потерявший душу свою ради Него спасет ее (Ин 10:10; Мк 8:35). Он говорит, что человек, услышавший о Царстве, подобен купцу, который нашел драгоценную жемчужину. Это символ самой ценной вещи, которую можно найти. Я предполагаю, что по меньшей мере отчасти этот символ означает такое новое отношение с милосердным Богом, благодаря которому будет утолена экзистенциальная жажда, и для человека откроется возможность найти в

своей жизни непреходящий смысл. Именно этого очень не хватает людям в наше время. Благая Весть, очевидно, касается любого мыслящего человека, который испытывает потребность в том, чтобы строить жизнь на твердом основании.

Эта книга ставит перед собой цель — подтвердить истинность христианского благовестия. Первый круг предлагает нам подтверждения, которые можно было бы назвать прагматическими, или основанными на опыте. Он стремиться показать, как Благая Весть, принесенная Иисусом, согласуется с нашим личным опытом, насколько она насущна для нашей жизни в мире. Но, возможно, правы те, кто утверждает, что верующие лишь принимают желаемое за действительное? Одна лишь потребность иметь твердое основание в жизни вовсе не означает, что такое основание действительно есть.

На это я могу привести два возражения. Во-первых, я не думаю, что мы можем так легко игнорировать поиск смысла, который ведет человек. Сама страстность поиска многое говорит о нас и о мире, в котором мы живем. Может быть, это означает, что вселенная — это сумасшедший дом, где люди рождаются, полные неосуществимых желаний, как бы говоря: "Это невыносимо, но именно так и есть в действительности!" Но разве не разумнее сказать вместе с К. С. Льюисом: "Если я обнаруживаю в себе желание, которое ничто и никто в этом мире удовлетворить не может, то самое вероятное объяснение этому — то, что я создан для иного мира"[12]? Христианин, во всяком случае, не обязан верить удручающему предположению о том, что мы рождаемся с неосуществимыми желаниями, и читатель тоже не обязан верить в это.

Во-вторых, тому, кто утверждает, что вера принимает желаемое за действительное, следует учитывать возможность обратного утверждения. Атеизм также может быть лишь проекцией человеческих желаний. Человек вполне может желать того, чтобы Бог *не* существовал. Тогда Он не ограничивал бы нас, не стоял бы у нас на пути, не мешал бы нам в осуществлении наших намерений. Из-за того, что мы хотим сделать все по-своему, мы часто склонны желать, чтобы Бога не было. Эти возражения взаимно погашают друг друга.

В то же время я признаю, что на аргументации одного только первого круга христианская вера держаться не может. Нам необходимо рассмотреть веру и с других точек зрения. Следует обратиться к свидетельствам иного рода, чтобы показать, что Евангелие не только

практически значимо, но и фактически верно. Поэтому мы переходим ко второй главе: "Религиозный опыт как основа веры".

Глава 2

Второй круг: религиозный опыт как основа веры

Аргументы, составлявшие первый круг, основывались на обычном человеческом опыте. Христианская вера дает необходимое основание для утверждения ценности человеческой жизни и достоинства личности. Теперь же я хочу обратиться к религиозному опыту. Не будет преувеличением сказать, что большинство людей, пришедших к вере, в том числе и основатели мировых религий, сделали этот шаг потому, что пережили глубокий опыт присутствия и действия Бога в их жизни. Говоря словами Х.Д. Льюиса, "суть религии — это религиозный опыт"[1].

Замечательный факт

Я хочу обратить внимание читателей на один из самых замечательных фактов нашей жизни, на факт, который мы часто игнорируем, принимая его как нечто само собой разумеющееся. Я имею в виду утверждение огромного числа людей, что они знают Бога и находятся в контакте с Ним. Круг этих людей вовсе не ограничен какими-то социальными или культурными рамками. В число их входят, как выразился Элтон Трублад, "многие из тех, кого повсеместно признают

лучшими и мудрейшими из людей"[2]. Утверждение об общении с Богом так замечательно само по себе и оно высказывалось с таким постоянством, что просто отмахнуться от него невозможно. При любом разумном подходе к вопросу об устройстве мира мы должны принимать во внимание этот факт.

Важность свидетельств религиозного опыта совершенно очевидна. Благодаря им мы не только дополним аргументацию первого круга данными опыта, но и обнаружим еще более значимые доводы в пользу веры. Большинство людей не довольствуются тем знанием, что вера полезна для них или что она согласуется с философскими соображениями; да они и не должны удовлетворяться этим. Они хотят узнать Бога как реальность своего собственного опыта. Нечто подобное имеет место во всех областях нашей жизни, например, в астрономии. В прошлом людям часто приходилось довольствоваться утверждениями, что такое-то небесное тело существует, хотя его и невозможно увидеть при помощи имеющихся в нашем распоряжении телескопов. Теперь при помощи более совершенных средств наблюдения мы действительно можем бросить взгляд на планету, в существовании которой нужно убедиться. Конечно, имело смысл обосновывать существование этой планеты при помощи математических расчетов, учитывающих ее влияние на движение других планет, но увидеть ее своими глазами все же более убедительно. Чтобы доказать существование Луны, лучше указать на сияющий диск в темном ночном небе, а не анализировать чередование приливов и отливов.

Замечательное свидетельство оставил Блез Паскаль. После его смерти был найден вшитый в его одежду клочок бумаги. На этом клочке была описана его встреча с Богом, которая произошла в 1654 году и дала новое направление его жизни в последнее десятилетие (Паскаль умер в возрасте 39 лет). Запись датирована 23 ноября 1654 года; в ней есть такие слова: "Примерно с половины одиннадцатого вечера и до половины первого ночи — Огонь"[3].

Паскаль использовал одно лишь слово *огонь*, чтобы описать, чему это было подобно. Возможно, он пытался подчеркнуть несомненность ощущений, которые свидетельствуют о присутствии пламени: огонь греет, светит, даже жжет. Прикосновение к огню убедит нас, что он нам не снится! Для Паскаля это было переживание, преисполнившее его душу радостью и светом.

Впрочем, неверно было бы утверждать, что все религиозные переживания так драматичны и так сильно преображают жизнь челове-

ка. Многие свидетельства говорят о тихом, спокойном восприятии чего-то таинственного и благого. По своей сути религиозный опыт коренится в чувстве *изумления* и благоговения, в ощущении присутствия чего-то безусловного, от чего зависит и на чем основана вся реальность нашего существования. Такое переживание чаще всего очень трудно определить, и оно не всегда одинаково сильно, но о нем свидетельствуют очень многие, и так или иначе оно присутствует в жизни каждого из нас. Как малообразованные, так и просвещенные люди чувствовали, что им напоминают об ограниченности их существования и об их зависимости от реальности, сущей вне них самих, таинственной и могучей. Это благоговейное восприятие святого иногда выражается очень ярко и живо.

Человек в поисках Бога

Свидетельства, используемые во втором круге, не относятся только к опыту людей религиозных; можно даже сказать, что они не сводятся к чисто религиозному опыту. У совершенно светских авторов, подчас весьма далеких от веры, можно найти выражение страстного стремления человека выйти за собственные пределы.

Так, атеист Жан Поль Сартр считает небытие Бога бедствием. Без Него мы оказываемся выброшенными в пустое пространство, где нет дома и нет цели, к которой нужно стремиться. Сартр пишет об этом поразительными словами: "Бог молчит, и этого я не могу опровергнуть, все во мне взывает к Богу, и этого я не могу забыть... Такое переживание, по-разному выраженное, присутствует у многих современных авторов: мучение у Ясперса, смерть у Мальро, нищета у Хайдеггера, человек в ожидании помилования у Кафки, безумный и тщетный труд Сизифа у Камю"[4]. Сартр замечает, что даже у тех, кто противится Богу, видно сознание Того, Кого им не хватает[5].

Лет десять назад многие предсказывали, что якобы скоро должен наступить закат религии в обществе, становящемся все более светским. Современного человека описывали как человека, достаточно повзрослевшего, чтобы легко обойтись без представления о священном. Последующие годы не подтвердили этих предсказаний. Вместо этого мы увидели возрождение интереса ко всем формам религии. Мы увидели бунт против представления о человеке как существе, живущем лишь в одном измерении, человеке-компьютере, человеке-машине. Мы видим явную активизацию извечных поисков того, что существует вне видимой вселенной. Прежний материализм просто не удовлетворяет людей, и они снова начинают искать Бога.

Популярность таких фильмов, как *Близкие контакты третьего рода (Close Encounters of Third Kind)* и *Звездные войны (Star Wars)*, вызвана тем, что они обращаются к чувству нашего космического одиночества. Эти фильмы показывают неких богов, реально существующих во внешнем пространстве, которые берут на себя инициативу, чтобы установить контакт с нами и открыть себя нам. Эти фильмы являются, по сути дела, религиозными; они вызывают столь живой отклик, потому что выражают естественное стремление человека поклоняться кому-то или чему-то высшему. Многие интуитивно чувствуют истину в словах Иисуса: "...ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?" (Мк 8:36).

Религия устояла в прошлом и, несомненно, устоит в будущем, потому что она откликается на нашу потребность в поклонении. Петер Шэффер выразительно показал эту потребность в своей пьесе *Эквус (Equus)*, герой которой, мальчик-подросток, привязался к образу Иисуса, изображенному на картине, висящей в его комнате. Его отец-атеист решает положить конец этой бессмысленной, по его мнению, привязанности. На место изображения Иисуса он вешает изображение лошади, надеясь перевести внимание своего сына на другой предмет. И это ему удалось настолько, что мальчик стал поклоняться лошадям. Тогда отец отправляет его к психиатру, чтобы избавить ребенка от развившегося в нем комплекса. Из этого, однако, ничего не выходит: психиатр сам начинает завидовать тому религиозному опыту, который удалось пережить мальчику. Он видит, какую радость дарит этот опыт его пациенту, как много значит он в жизни ребенка. Мог ли врач отнять у своего пациента то, что делало его совершеннее? Основная мысль пьесы такова: человека определяет поклонение тому, что выше его; кто не поклоняется, обречен на духовную пустоту[6].

Многие, но не все

Число людей, имеющих глубокий мистический опыт, велико; но оно не включает в себя весь род человеческий. Есть много прекрасных людей, которые искренне заявляют, что не переживали в своей жизни ничего, связанного с Богом. Как можем мы отнестись к этому отрицательному свидетельству?

Прежде всего, следует заметить, что отрицательные свидетельства очень часто говорят больше о субъекте, чем о реальности. Например, если в известное время, в известном месте многие наблюдатели видели в небе комету, то их позитивное свидетельство позволяет оценить свидетельства тех, кто этой кометы не видел. Об этих последних

в данном случае разумно предположить, что некоторые из них просто спали в момент появления кометы, а другие, возможно, не заметили в небе ничего необычного, потому что у них плохое зрение.

Существуют самые разные причины отрицательных свидетельств. Тот, кто еще не испытал встречи с Богом, не должен делать из этого вывод, что люди, имеющие такой опыт, ошиблись. В этой ситуации разумнее отнестись к возможности такой встречи, как к чему-то весьма вероятному.

Наше восприятие мира зависит от многих обстоятельств. Я не могу видеть, если не открою глаз. Я ничего не услышу, если у меня заткнуты уши. Признавая роль нашей способности восприятия, мы не можем отрицать объективности видимого и слышимого мира. Реальность Бога также не может быть отвергнута на том основании, что некоторые люди не имеют опыта встречи с Ним. Возможно, у них просто не было условий, при которых они могли бы узнать Его. Каковы же эти условия?

Все религии подчеркивают необходимость духовной зрелости и определенной духовной практики, которая ведет к познанию Бога. Способность узнавать Бога, как и способность ценить произведения искусства, нуждается в воспитании и тренировке, в этой способности необходимо упражняться. Едва ли можно быть высокого мнения о человеке, который будет авторитетно утверждать, что Бах плохой композитор, при этом толком не прослушав ни одного его произведения. Для осмысленного поклонения нужна духовная подготовка. Если мы не открыты Богу в простоте и смирении, то, даже встретив Его, мы едва ли поймем, что в действительности произошло. Если человек не намерен быть послушным Богу, даже если Он откроет Себя, то, я думаю, вряд ли этот человек сможет познать Его.

С другой стороны, среди людей лишь единицы могли испытывать ощущение Божьего присутствия постоянно. Такое случалось лишь с самыми замечательными святыми. Брат Лаврентий (монах, живший в XVII веке и оставивший свои "Записки". — *Примеч. пер.*), например, мог заверить, что чувство Божьего присутствия никогда не покидало его; но многие другие не раз восклицали вместе с псалмопевцем: "Доколе, Господи, будешь скрываться непрестанно?.." (Пс 88:47).

Сам я также, конечно, переживал в жизни такие периоды, когда мне казалось, что я бесконечно далек от Бога, а Он от меня. Не думаю, что всякий раз это было свидетельством какой-то неудачи или духовного поражения. Следует помнить о суверенной воле Бога — Он сво-

боден открывать Себя людям. "Дух дышит, где хочет..." (Ин 3:8); нам Он не подчинен.

Мы можем и должны предпринимать определенные усилия для того, чтобы расти духовно; однако мы не должны рассчитывать на то, что эти усилия автоматически приведут к желаемому нами результату. Мы не можем вынудить Бога исполнять нашу волю; познание Бога — это Его дар. В то же время, как это ни парадоксально, Бог постоянно предлагает нам этот дар: "Жаждущие! идите все к водам; даже и вы, у которых нет серебра, идите, покупайте и ешьте; идите, покупайте без серебра и без платы вино и молоко" (Ис 55:1).

Другие религии

Атеисты отвергают всякую религию вообще, верующие же часто отвергают все религии, кроме одной. Я не думаю, что христиане должны придерживаться такой узкой точки зрения. Павел объясняет, что Бог никогда не переставал свидетельствовать о Себе (Деян 14:17). Он пишет: "Один Бог и Отец всех, Который над всеми, и чрез всех, и во всех нас" (Еф 4:6). Эта всеобщая, всеохватывающая суверенность Бога может открываться людям не только через Библию. К.С.Льюис говорит, что его часто волновала мысль о том, что спасение возможно лишь для тех, кто слышал о Христе, кому была предоставлена возможность поверить в Него. Но затем он понял, что "Бог не сказал нам, что Он предусмотрел относительно других людей". Продолжая эту мысль, Льюис пишет: "Между прочим, если вы беспокоитесь о людях, находящихся вне круга верующих, самое неразумное, что вы можете сделать, — остаться самому вне этого круга"[7]. До сих пор я говорил о религиозном опыте вообще, не ограничивая свои рассмотрения только христианским опытом. Почему я мог до сих пор не обращать на это внимание?

Мне кажется, что великие религии мира можно уподобить стеганому одеялу, сшитому из светлых и темных лоскутов разных размеров. Не все религии одинаково истинны. Различия между ними подчас очень глубоки, и их невозможно сгладить или проигнорировать. Элементы правды и неправды, подлинности и обмана соседствуют в них. Чтобы разобраться во всем этом, нужно не судить опрометчиво, а кропотливо и тщательно вникать в суть вопроса.

Невозможно, однако, отрицать, что в мировых религиях имеются положительные моменты. Приверженцы этих религий нередко в такой степени преданы своей вере, что заставляют христиан устыдиться. Эти религии задаются вопросами о жизни и смерти, а также поис-

ком спасения. В них сильно выражено то переживание, о котором мы говорили выше, — чувство благости и величия Бога, чувство, что нам нужно полагаться на Него и в жизни, и в смерти. Я верю, что Бог постоянно пребывает с каждым из нас, даже в дни поисков и сомнений, когда мы не в состоянии сформулировать своих убеждений, определить окончательно свою веру. Любые переживания человека могут быть использованы Богом для того, чтобы привести его к Себе[8].

Но не стоит забывать и о темных лоскутах стеганого одеяла. Религия может быть преградой между человеком и Богом, мешать его встрече с Ним. Различные религии мира отчасти открывают реальность, но отчасти и скрывают ее. Однако в каждой из них все же есть позитивное свидетельство.

Религиозный опыт и христианское благовестие

Далее я хотел бы говорить не о религиозном опыте вообще, а о том месте, которое он занимает в библейской вере. Пророки Ветхого Завета не раз сообщали о том, что обращались к вере после личной встречи с могущественным и реальным Богом; в результате этой встречи пророк посвящал всю свою жизнь служению Богу. В книге Деяний трижды повторяется свидетельство Павла о том, как он был призван. Это свидетельство удостоверяет, что он действительно был призван Богом на проповедь Благой Вести. Участие Духа Божьего в делах людей — это один из отличительных признаков христианской религии.

Говоря об опыте пророков, нужно прежде всего вспомнить, как переживал присутствие Отца Сам Иисус. Евангелия свидетельствуют, что отношение Его к Отцу было необычайно теплым, сердечным. Иисус не мог обойтись без регулярной молитвы; особенно важно было для Него обращение к Отцу в критические моменты Его земной жизни, в минуты принятия ответственных решений. Он знал, что Бог — это Его Отец в особом смысле этого слова и что Он Сам, в особом смысле, — Сын этого Отца. Такая уверенность была основой Его миссии. Переживание этого особенного родства, а не только знание, питало и поддерживало Его на протяжении всего Его земного пути. Он сознавал Свое мессианское предназначение, а потому мог поступать и учить, как облеченный властью.

Более того, Иисус сознавал силу Духа Божьего, пребывающего в Нем. Силой Духа исполнял Он Свое служение, избавляя и исцеляя страждущих. Он сознавал, что через Него струится сила Отца, побеждающая силы мрака, и утверждал, обращаясь к слушающим Его, что

явление этой силы есть свидетельство близости долгожданного Царства Божьего. Дух Божий действительно излился, как это и обещали пророки, и власть Царства проявила себя через Него. Все Его служение — раскрытие тех слов, которые Он произнес в самом его начале: "Дух Господень на Мне..." (Лк 4:18)[9].

У первых христиан был тот же самый опыт. Они свидетельствовали о реальности Духа Божьего, сошедшего на них. Церковь родилась в день Пятидесятницы, когда на апостолов снизошли духовные дары и сила Божья преобразила их. Присутствие Бога в этот момент было почти осязаемым. Их встречи после этого отличались полнотой радости и благодарностью — в противоположность тем мрачным часам, которые последовали за казнью Иисуса. Эту группу верующих отличало не только новое учение, но исполненность Духом, проявившаяся в их общей жизни, поклонении Богу и миссионерском служении.

Однако в религии, в сильной степени ориентированной на духовный опыт, существуют определенные опасности; со многими подобными проблемами пришлось иметь дело Павлу. Проповедуя Евангелие, он должен был также приложить немало усилий для укрепления вновь возникших общин и исправления искажений, появлявшихся на волне энтузиазма, но чреватых расколами и разрушением. Павел знал, что экстатические переживания существуют и вне христианства; сами по себе они весьма двусмысленны, и относиться к ним нужно с большой осторожностью. Однако Павел сумел передать церкви здравое богословское учение, смысл которого состоит в том, что жизнь в Духе может и должна стать могущественной силой, созидающей церковь, а не разрушающей ее (1 Кор 12-14).

В христианской жизни можно различить по меньшей мере два вида религиозного опыта. Во-первых, существует так называемый "харизматический" аспект присутствия Бога, когда оно может стать почти невыносимо реальным. Бывают случаи, когда Господь, кажется, входит в нашу жизнь внезапно при каком-то критическом повороте нашей судьбы. Дух проявляет себя в чудесах; это может быть физическое исцеление, пророчество, говорение на иных языках. Бог напоминает нам, что Он есть, что Он действует, что Он готов исцелять и спасать. Павел в Первом Послании к Коринфянам (14:25) описывает ситуацию, когда неверующий, войдя в собрание верующих, внезапно обнаруживает присутствие Бога и падает ниц, принимая в сердце Благую Весть. И до сих пор — а особенно в последние годы — верующие

в Иисуса Христа продолжают свидетельствовать о проявлениях Божьей силы.

Но существует и опыт иного рода — тихое и постоянное переживание присутствия Бога. Накануне Своей казни Иисус обещал послать нам Утешителя, или Спутника, чтобы Тот был с нами всегда, — Друга, Который никогда нас не подведет. Христос обещал, что Дух будет пребывать в нас и изливаться из нас, как реки живой воды. Дух будет пребывать с нами, что бы ни случилось, и никогда не оставит нас. Его утешающее и возвышающее присутствие будет давать нам радость и силу, побуждая к общению с Отцом и с Иисусом. Обычный опыт христианской жизни включает это ощущение изливаемой на нас любви, окружающей нас заботы, переживание встречи с живым Богом Отцом во Христе. В братском общении в церкви мы прославляем присутствие Господа и обновляемся в силе, ожидая Его явного пришествия на землю.

Религиозный опыт — не единственное подтверждение истинности Евангелия. Однако круг свидетельств, основанных на нем, исключительно важен. В наше время существует тенденция объяснять отход от веры не недостатком духовного опыта, а причинами преимущественно интеллектуальными. Те, кто предпочитают академический подход к христианству, особенно склонны думать, что барьеры на пути к вере следует устранять, объясняя содержание Благой Вести на языке, понятном и близком современному человеку. Но вполне возможно, что здесь обнаруживается не столько недостаток понимания, сколько недостаток опыта, отчужденность от опытной основы христианства, засвидетельствованной в книгах Нового Завета.

Поэтому путь к Богу лежит не столько через углубление познания и нравственные усилия (хотя и то, и другое, конечно же, всегда необходимо), сколько через вступление в тот круг людей, где вы сможете реально ощутить любовь Господа, через общение с теми, кто знает Его. Для многих людей ничто не может подтвердить истинность Евангелия так достоверно, как личная встреча с Богом, которой они жаждут. Без этого опыта все прочие свидетельства теряют почву под ногами, превращаются в чистые абстракции. Поэтому я обращаюсь к читателю с настоятельной просьбой — постарайтесь как можно сильнее открыться навстречу той инициативе, которую проявляет Господь.

Христианская радость и мирское уныние

Людей, чей кругозор ограничен материальным миром, часто преследует чувство пустоты и отсутствие цели в жизни. Во что верить и на что надеяться? Ведь жизнь оказывается по преимуществу бесцельным и бессмысленным времяпрепровождением, приносящим лишь редкие моменты удовлетворения и осуществления некоторых желаний. С этим ощущением пустоты и скуки контрастируют многочисленные свидетельства о милосердном присутствии Бога в жизни верующих, о присутствии, дающем им радость и мир. Как сказал ангел при рождении Иисуса: "...я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям..." (Лк 2:10).

Как Библия, так и произведения христианской литературы полны свидетельств о мире и радости, наполняющей душу человека, когда он доверяется Богу. Бог доказал нам, что Он руководит нами и дает нам новые силы, которые помогают нам справляться со всеми трудностями. То, что мы (подчас смутно) ощущаем, верно: наша жизнь не случайна и не бесцельна; Бог приготовил эту жизнь для тех, кто любит Его. Каждая жизнь уникальна и незаменима, у Бога есть план и цель, которую Он хочет реализовать в судьбе каждого из нас, если мы доверимся Ему.

Так было и в моей жизни. Вот уже более тридцати лет я радостно ощущаю Его реальное присутствие и знаю, что могу положиться на Его дружбу гораздо больше, чем на любого из своих друзей. Я могу подтвердить, что Бога можно узнать, можно испытать Его живую реальность, обратившись своим духом к Его Духу. Он верен в Своих обещаниях тем, кто принимает Его. Поэтому вместе с псалмопевцем я взываю к читателю: "Вкусите и увидите, как благ Господь! Блажен человек, который уповает на Него!" (Пс 33:9).

Что это доказывает?

Факт религиозного опыта, конечно, должен быть принят в расчет при любых поисках смысла жизни. Но возникает вопрос о его значимости; здесь необходимо рассмотреть несколько аспектов.

Прежде всего, это вопрос о количестве свидетельств, их ценности и надежности. Число свидетелей огромно, едва ли его вообще можно сосчитать. Вполне возможно, что часть из них заблуждается, но, быть может, другая часть все-таки не ошиблась. Если хотя бы один из свидетелей прав, то доказательство уже у нас в руках. Репутация свидетелей, как людей, заслуживающих доверия, в целом не хуже, чем в любой другой сфере.

Вопрос, как я полагаю, сводится к тому, насколько можно вообще доверять знанию, полученному через восприятие. Если значимостью свидетельств (множества достоверных данных, полученных от заслуживающих доверия свидетелей) можно пренебречь, то трудно понять, как можно полагаться на опыт в других областях знания, как избежать скептицизма по отношению к знанию вообще. Отмахиваясь от множества надежных свидетельств, мы подрываем тот метод, при помощи которого люди ищут истину во всех сферах своей деятельности. Невозможно найти разумную причину для того, чтобы не принимать в расчет такие свидетельства.

Свидетельства о существовании Бога, основанные на религиозном опыте, действительно являются весьма вескими. Все, чем мы руководствуемся в жизни, есть результат нашей личной веры. Это касается не только сферы религии. Наши суждения, будучи фактами нашего индивидуального сознания, всегда исходят из нашего опыта или из опыта других людей. Мы верим этому опыту, и едва ли разумно отвергнуть основанные на нем суждения потому, что они якобы неполноценны из-за своей субъективности. Дело в том, что они просто не могут быть другими. Религиозный опыт — это часть всеобщего человеческого опыта, и те свидетельства, которые он представляет, по крайней мере, не хуже любых других.

Вторая проблема возникает из-за исключительного разнообразия имеющихся свидетельств[10]. Спектр их необычайно широк: от харизматических озарений, целиком захватывающих человека, до едва уловимых движений духа. В этот спектр включаются и довольно странные сообщения, исходящие от оккультистов и медиумов. Что именно узнаем мы из этого опыта? Насколько согласуются между собой различные свидетельства?

Не отрицая значительных расхождений между различными сообщениями многочисленных свидетелей, я хочу обратить внимание на наличие очень существенных совпадений. Рассматривая эти свидетельства вновь и вновь, мы словно слышим один и тот же рассказ, повествующий о святости, изумлении и благоговении.

Подумайте о том, насколько сильно отличаются подчас друг от друга различные научные гипотезы и теории, сколь многочисленны разногласия между учеными. Тем не менее, мы, как правило, склонны доверять данным науки. Однако расхождений в религиозных переживаниях разных людей гораздо меньше! Если мы сравним, например,

науку античных времен с современной, то обнаружим расхождения почти во всем.

В религии же этого *нет*. История науки — это история разногласий в гораздо большей степени, чем история религии. Элтон Трублад сказал об этом так: "Религия, что сто лет назад, что две тысячи лет назад, почти все та же, ибо люди могут свободно говорить друг с другом о том, что им известно о Боге, и разделяющие их столетия им не помеха"[11]. Не потому ли мы поем сейчас древние псалмы, не видя в этом никакого анахронизма, что восприятие Бога остается практически неизменным в течение трех тысяч лет? То, что религиозные свидетельства культур, отделенных друг от друга в пространстве и времени, подтверждают друг друга, производит сильное впечатление, особенно если сравнить их со свидетельствами из других областей знаний. Научные книги быстро стареют, но классики религии не стареют никогда, потому что с тем, что говорили они, люди вынуждены соглашаться и в наши дни.

В чем согласны все эти люди? Они согласны в том, что Бог велик и свят, что Он требует послушания; в том, что человек мал и немощен по сравнению с Богом. Они согласны в том, что по ту сторону мира, воспринимаемого чувствами, лежит тайна, к которой нам следует устремить свой путь, потому что эта тайна обещает человеку спасение. Хотя разнообразие в области религиозного опыта и составляет проблему, оно не отменяет значимости свидетельств реальности Бога.

Третий вопрос касается психологии религии. Все еще нередки утверждения, что источник религиозных переживаний и религиозной веры лежит в психической активности самого человека. Религия — это всего лишь результат наших неосознанных желаний, попытка выдать желаемое за действительное. Но это возражение применимо в равной мере и к атеистам. Отрицание Бога точно так же может быть проекцией человеческих желаний. Неверие может угождать многим из наших побуждений, особенно желанию быть господином самому себе и самому устраивать свою жизнь. Небытие Бога может показаться весьма желательным для того, кто хотел бы жить независимо от Бога и Его воли. То, что бытие Бога отвечает определенным человеческим потребностям, никак не доказывает, что Его нет.

Психологический анализ религиозного опыта имеет, однако, некоторую ценность. Мы должны, насколько это для нас возможно, понять, что такое обращение и духовный рост. Иначе мы не сможем осознать, какие силы могут воздействовать на нас; в частности, важно

уметь видеть, когда религиозность действительно является лишь результатом действия психологических факторов (например, отказ незрелой личности брать на себя ответственность за свои поступки может быть бессознательно замаскирован под религиозность). Сама Библия предостерегает против поддельных форм веры и номинального, пустого благочестия; такая религиозность не есть серьезное обращение к Богу, она, скорее, отделяет человека от Бога, мешает подлинной встрече с Ним.

Но с чем я совершенно не согласен, так это с натуралистическим подходом, сводящим религиозный опыт исключительно к психологическим феноменам. То, что вы видите закат, конечно, связано с тем фактом, что у вас есть зрение; однако, прежде всего, закат говорит нам о том, что существует солнце! Вера в Бога, конечно, имеет отношение к потребностям и стремлениям, живущим в человеческом сердце, но это вовсе не доказывает, что источником этого опыта не является Сам Бог. Отрицание множества свидетельств на основании единственного априорного предположения о том, что Бога не существует, говорит лишь о слепой приверженности атеистической догме.

Возникает вопрос: каким образом вывод о том, что Бога нет, следует из того, что у нас есть потребность в Нем и в религии? Большинство наших потребностей в конце концов можно удовлетворить, по крайней мере, частично. Странным был бы мир, в котором бы людям требовалась вода и пища и где, однако, не было бы ни пищи, ни воды. Но именно такой мир и подразумевается в высказанном возражении. Нам предлагают поверить, что наша естественная человеческая потребность в реальности, лежащей за пределами чувственного восприятия, не может найти удовлетворения; что действительность зло издевается над нами; что наш религиозный опыт — одна огромная иллюзия.

Я полагаю, что это невероятно, хотя поверить в это можно. Но легче поверить этому на основании поверхностных рассуждений, чем согласиться с этим в глубине сердца. Если вы, дорогой читатель, еще не нашли Бога, то я советую вам продолжить поиски и не думать, что Его нет, только потому, что нам нужно, чтобы Он существовал. Лучше подумайте о том, искали ли вы его должным образом. Прислушайтесь к словам Иисуса: "Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас..." (Мф 11:28). Отношения с Ним — это не иллюзия, порожденная желанием узнать Бога, но действительное осуществление этого желания.

Религиозный опыт говорит нам нечто важное о нас самих. Он раскрывает наше глубинное желание полностью реализовать себя в сфере, лежащей за пределами материального мира. Это основная человеческая интуиция, свидетельствующая о реальности духовного мира. Можно, конечно, видеть здесь издевательский трюк со стороны нашей собственной природы, однако куда вероятнее, что здесь мы имеем верное свидетельство о том, что мы — духовные существа, что Бог есть и хочет, чтобы мы познали Его. Религиозное измерение человеческого опыта я воспринимаю как один из важных ключей к разгадке природы реальности и включаю его в общую структуру аргументации как весомое, заслуживающее доверия свидетельство.

Не гедонизм ли это?

Подводя итог двум первым разделам, я вижу, что оказался в затруднительном положении. Обращаясь вновь к приведенным мной аргументам, я обнаруживаю, что представил христианство как реализацию двух главных человеческих потребностей: стремления к смыслу и стремления к запредельному. Получается, что я смотрю на Евангелие как на средство сделать нас счастливыми, удовлетворить наши потребности, доставить нам удовольствие.

Но правильно ли это? Как согласовать это с укоренившимся у многих убеждением, что христианская жизнь должна быть трудной и мучительной, что она полна лишений и нищеты? Разве в святости есть что-нибудь веселое?

Да, я думаю, что есть. Действительно, тем, кто следует за Христом, приходится переносить страдания, но верно и то, что Его последователям обещана полнота жизни. Сам Иисус говорит: "...Я пришел для того, чтоб имели жизнь и имели с избытком" (Ин 10:10). Конечно, христианство — это не гедонизм в обычном смысле слова. Оно не обожествляет чувственное наслаждение. Но оно включает наслаждение Богом и Его дарами, наслаждение гораздо более глубокое, чем всякое другое. Позвольте мне закончить эту главу словами псалмопевца:

> "Утешайся Господом, и Он исполнит желание сердца твоего. Предай Господу путь твой, и уповай на Него, и Он совершит..." (Пс 36:4-5);

> "Как драгоценна милость Твоя, Боже! Сыны человеческие в тени крыл Твоих покойны: Насыщаются от тука дома Твоего, и из по-

тока сладостей Твоих Ты напояешь их. Ибо у Тебя источник жизни; во свете Твоем мы видим свет" (Пс 35:8-10).

Бог, о котором свидетельствуют христиане — подлинный Источник радости!

Глава 3

Третий круг: космологическая основа веры

До сих пор мы занимались экзистенциальными проблемами, рассматривая различные аспекты жизни человека. Мне было важно показать связь Евангелия с живым опытом человеческого существования. Христианская вера дает жизни смысл, открывает нам источник, из которого мы можем утолить нашу духовную жажду, — в противном случае вряд ли стоило говорить о вере столь подробно. Но раз она действительно дает нам все это, необходимо идти дальше и исследовать другие свидетельства ее истинности.

Третий и четвертый круги содержат свидетельства более интеллектуального, нежели экзистенциального плана. Веру нужно не только пережить, но и обдумать. Поэтому важно проверить ее истинность, испытать ее посредством критической мысли. Нам, как мыслящим существам, следует осмыслить философское обоснование и историческую достоверность христианского благовестия. Такое размышление преследует цель, которая никак не могла быть достигнута в предыдущих главах, — показать объективную и фактическую достоверность Евангелия. Выражаясь метафорически, от "мягких" свидетельств экзистенциального плана мы переходим к "жесткой" аргументации, ос-

нованной на фактах. Оба рода свидетельств находят свое важное место в единой структуре апологии христианства.

Естественное богословие: проповедь небес

Говоря о космологической основе веры, я обращаюсь к свидетельствам, которые являет нам сама вселенная, поскольку она создана Богом. Жан Кальвин писал об этом:

> "Как на небесах, так и на земле существуют бесчисленные свидетельства Его чудесной премудрости; это не только те не вполне ясные предметы, разобраться в которых можно лишь с помощью астрономии, медицины и всех естественных наук, но и те предметы и явления, которые бросаются в глаза даже самым невежественным и малообразованным людям, поскольку их просто невозможно не видеть"[1].

Точку зрения Кальвина поддерживает и Библия, хотя она, подобно Кальвину, гораздо больше внимания уделяет сверхъестественным проявлениям могущества Бога, о которых пойдет речь в следующем разделе. Псалмопевец возглашает: "Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь" (Пс 18:2). Апостол Павел учит, что каждый человек (иначе говоря, любой из нас) обладает достаточным знанием истины о Боге и поэтому нежелание чтить Бога и отсутствие благодарности по отношению к Нему не имеет оправдания. Реальность Бога обнаруживается повсеместно, во всем творении, и мы никак не можем не видеть ее. Павел пишет: "...ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы..." (Рим 1:20). Мир сам по себе есть постоянное свидетельство о Творце.

Эти слова Павла подтверждаются свидетельствами Ветхого Завета. Первая глава Книги Бытия передает живое ощущение мудрости Бога, создавшего мир, чтобы населить его людьми. Как говорит пророк Исайя: "...Он — Бог, образовавший землю и создавший ее; Он утвердил ее; не напрасно сотворил ее: Он образовал ее для жительства..." (Ис 45:18). Евреи имели глубокое чувство соразмерности и целесообразности вселенной, созданной мудростью и знанием Господа (Прит 3:19-29). Это ощущение передается и псалмопевцем: "Как многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро; земля полна произведений Твоих" (Пс 103:24)[2].

Во вселенной несомненно существует тайна, которая поражает ум человека и побуждает его к познанию. Прежде, чем возникло и

развилось светское научное мышление, люди обращались к религии в поисках разгадки этой тайны. При помощи своих символов религия долго давала ответы на многие философские вопросы.

В контексте греческой философии развилась особая область мысли, названная *метафизикой*. Она включает в себя размышление о конечном смысле бытия, о бытии как таковом. Основанная на удивлении (почему вещи таковы, каковы они есть, почему есть нечто, а не ничто?), метафизика предпринимает смелую попытку понять мир в целом и прийти к некоторым заключениям о его цели. Это философский эквивалент того стремления к смыслу, о котором мы уже говорили.

В средние века многие христианские богословы полагали, что возможно строгое доказательство существования Бога[3]. Они усвоили логический аппарат греческой философии и попытались применить его к библейским понятиям. Так были созданы классические аргументы в пользу существования Бога, наиболее полно развернутые Фомой Аквинским. Однако философия нового времени выступила с довольно резкой критикой этих доказательств. Кант обосновал тезис о том, что доказательство бытия Бога не может быть получено в области разума. В конечном счете богословие отвернулось от метафизики, сосредоточившись на вопросах морали и религиозного опыта.

Критика естественного (или рационального) богословия была подчас очень точной. Например, утверждать неоспоримость традиционных пяти доказательств бытия Бога было бы явным высокомерием. Критика в конечном счете оказала добрую услугу сторонникам естественного богословия, указав им на реальные возможности этого подхода. Кроме того, сам язык классических аргументов в пользу бытия Бога архаичен, и поэтому они звучат неубедительно для большинства наших современников; в то же время сохраняется разрыв между теистической верой и рациональным мышлением. Разрыв этот следует как-то преодолеть. Новые направления в естественном богословии способны, я думаю, весьма успешно решить эту задачу. Однако усилия в этой области богословия должны быть направлены не на поиск новых неоспоримых логических доказательств существования Бога, а на выявление связей между разумным научным мировоззрением и христианской верой. На мой взгляд, сейчас перспективы установления такого рода связей гораздо лучше, чем раньше.

В чем, вообще говоря, причина существования такой дисциплины, как естественное богословие? Прежде всего, в том удивлении, ко-

торое возбуждает в нас само бытие мира. Каким образом возник этот мир? Почему он существует? Каково наше место в нем? Если такие вопросы один раз возникли, то от них уже нельзя просто отмахнуться.

Мы стремимся к окончательному и полному пониманию всех вещей. Жажда знания заложена в природе человека. Мы существа, стремящиеся найти цель и разгадать смысл всего сущего. Камю назвал это "дикой тоской по ясности, чей зов отдается эхом в человеческом сердце".

Я намерен показать, что различные аспекты существования вселенной указывают на существование Бога. Вера в Бога представляется наиболее разумным объяснением бытия вселенной и объясняет больше, чем любой другой подход. Напротив, подход гуманистов представляется существенно менее правдоподобным. Гораздо легче поверить в то, что предлагают христиане, чем в то, что единственной причиной мира является материя[4].

Чудеса замысла

Современное общество находится под сильным влиянием научного мировоззрения, поэтому современному человеку наиболее достоверным покажется объяснение, которое в той или иной мере носит научный характер. Наш ум заинтригован тем, как устроены вещи, как связаны между собой явления. Поэтому нам оказывается близка та аргументация в пользу существования Бога, которая апеллирует к мудрости и совершенству замысла, лежащего в основе мироздания.

Давайте посмотрим, что представляет собой человеческий мозг. Он содержит около полутора килограммов серого вещества. Однако до сих пор ни один суперкомпьютер, созданный человеком, не может воспроизвести и незначительной доли тех операций, которые мозг совершает ежечасно. Мозг состоит более чем из тридцати миллиардов клеток и представляет собой целый мир, по большей части неведомый для нас, одно из чудес вселенной. Можно ли поверить, что орган, столь сложный и высокоорганизованный, возник в результате случайных материальных процессов?

Кроме того, возникает вопрос о той мыслительной деятельности, которую мозг совершает. Вероятно ли ожидать, чтобы разум появился в мире, неразумном по самой своей сущности? Почему мы вообще принимаем всерьез какую-либо умственную деятельность, если эта деятельность лишь процесс взаимодействия материальных элементов? Ум во вселенной, лишенной всякого ума, — аномалия, абсурд. Но если мир таков, как его понимают теисты, то существование разу-

ма вполне естественно. Мозг и разум во вселенной, созданной высшим Разумом, — это именно то, чего следовало ожидать.

Мозг не единственное чудо: человеческий организм являет нам множество чудес. Изумительно, например, устройство глаза и протекающие в нем электрохимические процессы, обеспечивающие моментальное цветное зрение. Только в состоянии дремучего невежества можно не удивиться необычайной сложности его функционирования. То же можно сказать об органах слуха, о кровеносной системе, о почках... Удивительно само по себе то, что мы называем "простой клеткой". Каждая из шестидесяти триллионов клеток нашего тела выполняет уникальные операции и является кладезем информации.

Возможно ли, чтобы столь замечательно организованное сложнейшее устройство появилось в результате случайного отбора, без участия Божьего разума? С тех пор, как в организме появились такие совершенные органы, нетрудно понять, почему он мог выжить. Создание, наделенное отличным зрением, победит того, кто не может видеть, при прочих равных условиях. Меня изумляет не сохранение глаз у животных, а их *возникновение*. Проблема в том, как объяснить тот удивительный процесс, благодаря которому стали возможны все эти чудеса.

Особенно верно это по отношению к наиболее сложным органам. Чтобы организм мог выжить, их строение и функционирование должно быть близко к совершенству. Появление такого органа, как, например, человеческий глаз, возможно лишь благодаря сложнейшему переплетению целого ряда необходимых предварительных условий. Это заставило многих биологов выдвинуть теорию макромутаций, поскольку гипотеза о длительной серии микромутаций ничего не объясняет. Иначе говоря, чтобы объяснить то, что мы видим вокруг, потребовалось создать своего рода научную версию чуда.

В каждой вещи обнаруживается та цель, ради которой она устроена именно так, как она устроена. Гармоничное сочетание всех вещей и явлений, хорошо адаптированных друг ко другу, есть знак, указывающий на Создателя. Более того, я утверждаю, что эта гармония для того и создана, чтобы сообщить нам о Его существовании. Если бы мы увидели на склоне холма камни, которыми выложены слова: "Добро пожаловать в Канаду!", нам не пришло бы в голову, что они просто так скатились с вершины и сами собой составили эту фразу. Такое, конечно, возможно, но уж очень маловероятно. Едва ли кто-то усомнится, что некто, обладающий разумом, расположил камни на

холме определенным образом, чтобы что-то нам сообщить. Столь же разумно думать, на мой взгляд, что и Бог дает нам о Себе знать через разумное устройство мира, который предстает нам не как хаос, но как космос.

Вера в Бога подобна вере в научную теорию. Ее истинность, как и истинность любой теории, не может быть доказана строго, однако существует множество данных, косвенно подтверждающих ее. Она опирается на самые разнообразные факты. Противоположная ей версия, согласно которой все, что мы видим, есть результат случайного движения материи, напротив, совершенно недостоверна. Как могло все это произойти само по себе? Вера в Бога развеивает наши недоумения при рассмотрении этих вопросов.

Сотворение мира

При более широком взгляде на вещи удивительным фактом оказывается уже само существование вселенной. Почему вообще что-то существует, вместо того чтобы ничему не быть? Есть ли удовлетворительное объяснение бытию как таковому? В философских кругах идут нескончаемые споры о том, должна ли конечная Вселенная зависеть от бесконечного Бытия. Большинству людей трудно по достоинству оценить доводы каждой из спорящих сторон, а мнения специалистов сильно расходятся. Мне кажется, что аргументация, применяемая в таких спорах, оказывается по большей части основательно устаревшей и выглядит малоубедительно.

Но существуют доводы, сформулировать которые довольно легко и которые не кажутся мне анахронизмом. Их убедительность для нас обусловлена тем, что они апеллируют к научному знанию. Я имею в виду открытие, что вселенная имеет начало во времени, что она возникла в результате гигантского взрыва, который иногда называют "актом творения". Многие ведущие астрономы нашего времени считают первый стих Библии, гласящий: "В начале сотворил Бог небо и землю", хорошо согласующимся с данными науки. В статье, опубликованной в газете *New York Times*, Роберт Джастроу, директор государственного Института Годдарда по исследованию космического пространства при НАСА и автор многих исследований по астрономии, спрашивает: "Нашли ли астрономы Бога?" Его собственный ответ на этот вопрос состоит в том, что если не нашли, то очень близки к этому[5]. Конечно, наука не может доказать, что вселенная сотворена Богом, но в контексте современных космологических теорий факт творения является разумным предположением.

"Ныне мы видим, — продолжает Роберт Джастроу, — как данные астрономии приближают нас к библейскому пониманию происхождения мира. Детали могут различаться, но в главном астрономические модели и библейское свидетельство совпадают: цепь событий, ведущих к появлению человека, начинается внезапно в определенный момент времени гигантской вспышкой света и энергии". Замечательны заключительные слова цитируемой статьи:

> "Это чрезвычайно странное открытие, неожиданное для всех, кроме богословов. Они всегда верили в истинность Библии. Но мы, ученые, не ожидали найти данные о внезапном происхождении вселенной, потому что до недавнего времени могли вполне успешно прослеживать цепи причин и следствий, уходящие далеко в прошлое... Сейчас кажется, что наука никогда не будет в состоянии приподнять завесу тайны акта творения. Для ученого, который жил верой в силу разума, все это похоже на дурной сон. Он карабкался по горам невежества; вот-вот он покорит высочайший пик; из последних сил подтягивается он на последнюю скалу — и тут его приветствуют богословы, которые сидят здесь уже много столетий".

Доктор Джастроу знает, что его коллеги-ученые не одобряют его взглядов не потому, что обладают данными, подтверждающими противоположную точку зрения, а потому, что не в силах отказаться от предрассудков. Их огорчает мысль, что в рамках самой науки могут быть получены свидетельства против тех натуралистических предпосылок, которые столь существенны для многих современных научных теорий. В этом случае они уже не смогут *a priori* исключать из рассмотрения Бога даже в научных исследованиях.

Доктор Джастроу, сам не будучи верующим, указал в конечном счете на те религиозные предпосылки, которые крайне важны для человеческой мысли. Его работа оказывается значимой также и в моральном плане. Она заставляет тех, кто находит утверждение о сотворении мира неприемлемым, подумать об истоках этого своего убеждения. Быть может, для них невыносима мысль о том, что видимый мир не является автономным и не может быть объяснен без того, чтобы выйти за его пределы? Или им тяжело осознать, что существует предел тому, что может быть понято и объяснено человеческим разумом? Однако не замечательно ли, что диалог между религией и наукой, по существу прерванный примерно на сто лет, может возобновиться? Новая космология оказывается созвучна Библии: "Верою по-

знаем, что веки устроены словом Божиим, так-что из невидимого произошло видимое" (Евр 11:3).

Строгое доказательство того, что мир создан Богом, а не существовал вечно, едва ли может быть получено. Но отсутствие доказательства не решает вопрос. Предположим, что во время прогулки вы обнаружили большой стеклянный шар, лежащий на лесной тропе. Он привлек ваше внимание и заставил задуматься, почему он там и как он туда попал. Можно, конечно, решить, что он всегда там так и лежал. Но ведь даже если нет никакого удовлетворительного объяснения того, почему шар лежит на тропе, это решение никак нельзя признать самым разумным.

Почему? Да потому хотя бы, что такое предположение ничего не объясняет. За ним стоит лишь желание отмахнуться от серьезного объяснения. Но стремление к пониманию внутренне присуще нам; в конце концов если людям свойственно стремиться к пониманию во всех доступных им сферах, то едва ли им может понравиться утверждение, что в вопросе о происхождении вселенной понять ничего невозможно. Такое заявление явно противоречит принципу разумности, которого мы постоянно придерживались.

Если реальность в конечном счете абсурдна и необъяснима, почему нам нужно жить так, как будто в ней есть какой-то смысл? Если философия и наука заявляют, что конечного объяснения мира нет, то правы те художники и писатели, которые утверждают, что и в других проявлениях жизнь не имеет никакого смысла. В противоположность этой точке зрения доводы, содержавшиеся в первом круге и показывавшие, как вера удовлетворяет внутреннюю человеческую потребность в смысле, покоятся на прочном метафизическом основании. Его составляет убеждение, что вселенная существует благодаря разумному Создателю, а потому исполнена смысла и целесообразности.

Стремление человека к знанию и объяснению того, что его окружает, становится осмысленным именно в контексте христианского понимания мира[6]. Напротив, согласно атеистическим представлениям, наше сознание и все наше существо — это проблески, случайно возникшие в неразумной расстановке атомов и обреченные на немедленную гибель при последующем столкновении слепых материальных сил.

Такое представление о мире — наверное, самый дерзкий из мифов, когда-либо существовавших в истории культуры. Ведь своей острой драматичностью он превосходит и скандинавские саги, и ми-

фы Древней Греции. Но как может этот миф быть правдой? Он призывает нас поверить, что сам наш разум, усилиями которого создано и это представление, — это не что иное, как "непредвиденный побочный продукт бессмысленного процесса на одной из стадий его бесконечного и бесцельного становления"[7].

Содержание этого мифа выбивает у нас почву из-под ног, а потому едва ли можно поверить в его истинность. Он предполагает, что тяга человека понять самого себя ничего не говорит нам о природе реальности. Я думаю, что без Бога попытка объяснить происхождение вселенной обречена на неудачу, а наше стремление понять это было бы тогда лишь насмешкой природы.

Некоторые другие доводы

Аргументы, развиваемые естественным богословием, всегда казались весьма тяжеловесными философскими силлогизмами. В течение столетий мало что было сделано, чтобы изменить сложившееся впечатление, а потому естественное богословие приобрело со временем плохую репутацию. На самом же деле доводы в пользу существования Бога, содержащиеся в творении, гораздо обширнее и разнообразнее.

Замечательный пример — наше восприятие прекрасного. Всем нам знакома та связь, которая возникает между создателем произведения и тем, кто его воспринимает. Мастер вводит в свое создание элементы творческого замысла, которые мы способны обнаружить и истолковать. Не будучи непосредственными участниками события, представленного в произведении, мы переживаем его наравне с героями.

Разве не случается с нами нечто подобное при встрече с миром природы? Реальность, как прекрасное произведение искусства, производит на нас сильнейшее впечатление, и нам хочется выразить благодарность невидимому Художнику, сотворившему мир. Разве не ощущаем мы, что наша способность ценить и понимать красоту (которая светским гуманистам должна казаться ненужной роскошью, каким-то образом случайно появившейся в мире) — это ограниченное отражение верховного Творца, Создателя всего. В противном случае такая способность совершенно необъяснима — она не имеет практической ценности и никак не способствует нашему выживанию.

Обратимся также к проблеме удовольствия. Да, именно к проблеме удовольствия, а не к проблеме боли, о которой приходится слышать так часто. Это еще один из многих примеров того, что мы

принимаем как нечто само собой разумеющееся и что в действительности является одним из ключей к разгадке сущности бытия. Конечно, чувство удовольствия, как и чувство боли, весьма значимо для выживания. Боль предостерегает нас, удерживая подальше от того, что для нас вредно; наслаждение побуждает питаться и размножаться. Но, кажется, существует явный избыток удовольствия сверх того, что необходимо для выживания. Быть может, наш Творец хочет, чтобы мы радовались?

Многие, правда, получают в своей жизни мало радости, и никто из нас не переживает совершенного наслаждения, которого мы жаждем. Нам всегда мало удовольствия, мы постоянно стремимся к большему. Это обстоятельство особенно важно с христианской точки зрения, которая видит назначение человека в установлении вечной и совершенной связи с Богом. Мы созданы для наслаждения и для счастья, и мы можем получить его в полной мере. "Блаженство в деснице Твоей вовек", — сказал псалмопевец (Пс 15:11). Совершенная радость обещана тому, кто примет желанного всеми народами Мессию, Иисуса Христа.

В личной жизни человека можно найти множество ключей к разгадке тайны нашего существования. Основой самосознания человека является наша открытость миру, неустанное стремление выйти за пределы настоящего, стремление к подлинным целям, стоящим перед нами. Человек обычно воспринимает себя как личность, которая, действуя в пределах своей ограниченной свободы, может формировать свое будущее и выходить за пределы уже устроенного мира, создавая нечто действительно новое. Конечно, наши возможности небезграничны. Мы не властны в полной мере над своим будущим. Но мы можем стремиться устроить мир так, чтобы он был лучше, чем он есть, и мы дорожим надеждой на осуществление этих стремлений.

Мне кажется, что такая точка зрения, характерная для современного человека, близка к библейскому миропониманию. Бог создал нас подобными Ему, Творцу истории, Создателю вселенной. Он Сам — та цель, к которой мы, в конечном счете, стремимся; Он — та Сила, от которой мы, будучи конечными существами, зависим. Он — основание нашей надежды на будущее, Бог надежды, как назвал Его Павел (Рим 15:13).

Но что, если такого Бога нет? Как нам тогда понимать самих себя? Мало смысла думать, что слепая случайность могла извергнуть на свет существа, явно принадлежащие этому миру, но устремленные за

его пределы. С попыткой оправдать эту бессмыслицу, я думаю, и связана психологическая теория Б.Ф. Скиннера, который стремится доказать, что человек заблуждается, думая о себе как о личности. Интуиция личной свободы может быть обоснована в рамках теистического понимания мира и вряд ли имеет какую-то опору в атеистическом мировоззрении. Человек — личность, потому что сама реальность личностна по своей сути. В том мире, который представлен в Библии, человеческая личность — это вершина природы, а не извращение[8].

Нравственный аспект

В первом разделе я уже затрагивал вопрос о нравственной стороне человеческого опыта. Там я выразил предположение, что основа нравственности — это уверенность в осмысленности жизни, которая подразумевает Бога, как единственное достаточное основание. Но нравственность имеет и другие аспекты, которые тоже связаны с вопросом о Боге.

Один из них был отмечен Иммануилом Кантом в "Критике практического разума", где он объяснял, почему придать смысл нравственности можно, лишь приняв без доказательств существование Бога. Кант приводит следующие доводы: в жизни добродетель не всегда приводит к счастью, хотя бы это и должно быть так, нравственность — это незавершенное состояние, если мы рассматриваем только этот мир (сферу чувственного опыта); чтобы это состояние было правильным, необходимо утверждать, что существует Бог и бессмертие; тогда незавершенность будет устранена и условия для существования нравственности будут обеспечены Его могуществом.

Доводы Канта направлены на устранение несоответствия, которое возникает при чисто светском истолковании морали. Тот, кто объясняет мораль, не пытаясь обратиться при этом к религии, обессмысливает наше нравственное чувство. Отрицая Бога и бессмертие, мы тем самым отрицаем цель, на которую ориентирует нас существующий в нас же самих нравственный закон. Гуманист, возможно, сказал бы, что человек — это единственный организм, условия существования которого не соответствуют его скрытым возможностям. Величие человека, в данном случае — его стремление поступать нравственно, оборачивается для него унижением и разочарованием. Христианская вера дает возможность увидеть ситуацию совершенно иначе.

Другой важный аспект нравственности — это чувство долга, которое мы часто испытываем, некий импульс, который подчас уводит

нас далеко в сторону от собственной выгоды. Гуманизм склонен считать моральные нормы вопросом личного мнения и вкуса. Но моральное сознание часто ведет нас к другому. Во время процессов над нацистскими преступниками мало кто, наверное, считал, что поступки такого человека, как, например, Эйхман, можно оправдать, поскольку они приемлемы с точки зрения тех критериев, которые признавал он сам. Большинство чувствовало и понимало, что геноцид — это абсолютное и объективное зло и те, кто осуществляет его, заслуживают смерти. Гуманизм может считать поступки морально неприятными, но ему трудно считать их морально неприемлемыми, как того часто требует наше нравственное сознание.

Представление, которое большинство из нас с готовностью разделяет, что любой человек обладает как личность неотъемлемыми правами, что его нельзя рассматривать как всего лишь средство для достижения каких-то целей, лучше всего может быть понято в контексте религии. Нравственный императив — это выражение веры в нравственного Бога, Который правит вселенной. Ценность человека гарантирована тем, что он создан Богом, любим Богом и предназначен для вечной жизни с Ним. Наше нравственное чувство имеет основу в действительной личной ответственности перед Богом. Чувство вины, которое мы испытываем, когда нарушаем требования нравственности, можно понять, как чувство, что мы предали Того, Кто нас любит. Таким образом существование Бога придает смысл нравственности[9].

Поиск ясности

Для меня вера в Бога — это конечный результат моих попыток понять мир. Она связана не только с экзистенциальными проблемами, но и с рациональным познанием. Я вполне отдаю себе отчет в том, насколько ограничен человеческий разум. Я понимаю, что аргументы естественного богословия в значительной мере обусловлены той эпохой, когда они были разработаны. Но в то же время каждому поколению важно попытаться объяснить мир, создать целостное понимание реальности, решить вопрос о смысле и значении бытия. Я хотел представить здесь те идеи, которые произвели на меня наибольшее впечатление, поскольку показывают, как, основываясь на вере в Бога, можно достичь большой ясности в понимании мира.

Поток в своем течении никогда не поднимается выше источника. Неразумно предполагать, что личность, нравственность, свобода, разум могут существовать в мире, где нет никакой причины для их воз-

никновения. Совсем уж странно считать, что все в мире происходит от материи, лишенной мысли, безликой и не имеющей никакой цели. Возможно, впрочем, я поверил бы в это, если бы не особенно над этим задумывался. Но само по себе это предположение совершенно невероятно.

Возможно, это звучит несколько странно, что верующий человек отрицает светское мировоззрение именно потому, что оно требует веры. Гуманизм — это мифология и религия современных образованных людей, но верить в него неразумно. Он требует от нас слишком большого легковерия. Именно теистические убеждения дают возможность найти смысл в мире. Атеизм просто очень трудно принять.

Я совершенно не предполагаю, конечно же, что вера в Бога обычно является результатом рассуждений или что человек, не нашедший некоторых аргументов в пользу существования Бога, не верит в Него именно по этой причине. Я уже писал, что некоторые знания о Боге даются вместе с обычным человеческим опытом, другие же приходят в форме религиозных переживаний.

В основе доводов, которые я привожу в этой книге, лежит иное, более глубокое знание о Боге. Сама книга имеет конечной целью помочь обрести то подлинное и фундаментальное знание, которое доступно каждому. Некоторым людям аргументы необходимы, другие же вполне способны обойтись без них. Сами по себе доказательства не дают знания. Бог вовсе не таков, что Его можно не заметить, не имея строгих логических доказательств Его существования. Причина обращения к рациональной аргументации — желание проверить разумом то, во что мы уже верим или, по крайней мере, о чем мы уже подозреваем. Карл Ранер выразил это так: "Теоретическая аргументация в пользу существования Бога имеет только одну цель — добиться разумного осознания того факта, что человеку всегда и неизбежно приходится иметь дело с Богом в своей умственной и духовной жизни, независимо от того, думает ли он об этом или нет, принимает ли он это или нет"[10].

Поэтому значимость аргументов в пользу существования Бога относительна; но само понимание этой относительности дает нам возможность поместить эти аргументы в правильный контекст — ими мы проверяем нашу веру в Бога с точки зрения ее разумности. В конце концов, даже изначально присущие нам убеждения бывает необходимо проверить в свете разума.

Первый шаг на пути к цели

Во время своей миссии в Листре апостол Павел узнал, что жители Малой Азии получили откровение о Боге. Павел использовал это откровение как отправную точку для проповеди Евангелия. На основании одного только откровения, полученного до проповеди, они не очень много узнали о Боге, Который любит их. То же можно сказать и о приводимых здесь аргументах. Хотя они и склоняют нас к тому, чтобы начать размышлять о Боге, Который благ, разумен, могуществен и так далее, но эти аргументы еще не проповедь Благой Вести, они не говорят о Нем, как о нашем Отце и Спасителе. Наша аргументация лишь подводит нас к такому пониманию Бога, которое станет содержанием следующего круга свидетельств.

Как только возможность существования Бога начинает занимать наше внимание, возникает вопрос: каков же Бог? Для большинства людей этот вопрос, наверное, наиболее важный. Им нужны не доказательства Его существования, а ясность в понимании того, каков Он. Поэтому весть о воплощении Бога находится в центре Писания, из нее мы узнаем о Его милосердии и о Его намерении спасти род человеческий совершенно уникальным способом. Естественное богословие — это не цель, а *первый шаг* на пути к принятию Благой Вести.

Это можно сказать и об одном из слабых мест естественного богословия — проблеме зла. Наш мир — это мир падший и страждущий. Познание мира не дает нам полного знания реальности, поскольку Божий замысел предстает перед нами в искаженном виде. Из-за того, что в мире есть зло, многие решили, что Бог либо не является подлинным властителем вселенной, либо Он тоже зол. Существует достаточно доводов, опровергающих это ужасное предположение, но лучший из них — само Евангелие. Оно и есть, по существу, ответ Бога на зло мира. Без Благой Вести многое в мире остается зловещим и темным, а в свете Евангелия мы получаем способность доверять и надеяться.

Бог не безразличен к тому положению, в котором мы находимся. Он слышит наш плач и страдает вместе с нами. В естественном богословии мы не найдем этого утверждения. Все, что оно может сделать, — побудить нас рассмотреть исторические свидетельства, подтверждающие Благую Весть об Иисусе Христе, в Котором Бог явил Себя миру.

Глава 4

Четвертый круг: историческая основа веры

В первых трех главах мы старались показать, насколько разумно и последовательно обосновано теистическое мировоззрение, предполагаемое христианским благовестием. Рассмотрев содержание первых трех кругов, мы в состоянии правильно понять саму Благую Весть и увидеть в ней откровение свыше. Если бы у нас не было причин верить, что Бог существует, то и слова Иисуса, и сама весть об Иисусе имели бы мало смысла. Теперь же уместен вопрос о том, насколько серьезны исторические свидетельства, подтверждающие, что Иисус — это свет миру, воплощенный Сын Бога. Иными словами, мы должны изучить вопрос: "Имело ли место в истории такое откровение Бога о Самом Себе?"

Религия для трезвомыслящих

Уильям Джеймс назвал трезвомыслящими людей, которые с уважением относятся к фактам и не поддаются эмоциям. Люди такого типа часто держатся в стороне от религии, поскольку в ней есть много такого, что связано с чувством, с переживаниями. Однако они должны с вниманием отнестись к христианскому благовестию, ибо основное внимание в нем уделяется именно фактической стороне дела. В Бла-

гой Вести даже содержится одобрение тех, кто желает тщательно проанализировать ее, поскольку она может выдержать любое честное испытание.

Благая Весть по своей сути — это новость, которую нужно сообщить людям. Основное внимание в ней уделено тому, что совершил Бог в истории человечества для спасения людей. Поэтому в Евангелии мало того, что мы связываем с естественным богословием. Это не значит, что Библия отвергает поиск Божьего откровения, явленного в сотворенной природе; просто откровение Бога через историю гораздо важнее. Полнота истины, согласно пониманию древних евреев, обнаруживается не в том, что *существует*, а в том, что *происходит*.

Согласно Писанию, Бог открывает Себя главным образом в исторических событиях. По сути своей вера Израиля, о которой повествует Ветхий Завет, — это благодарное воспоминание о том, как Бог избавил евреев от египетского рабства и вывел в землю обетованную. Благая Весть Нового Завета рассказывает о значительно более серьезном избавлении от значительно более страшного рабства — избавлении человека от греха Личностью и делами Иисуса Христа.

Христиане верят, что вечное Слово Божье стало плотью, что произошло это в определенном месте и в определенный момент человеческой истории, что Иисус совершил Свое общественное служение, возвещая о грядущем Царстве, а затем принял страдальческую смерть на кресте ради всех грешников, но Отец оправдал Его, воскресив из мертвых и сделав Его Господом всего сущего. Мы убеждены, что все эти факты можно проверить и подтвердить. Мы не считаем это оккультным сокровенным знанием, доступным только посвященным, но утверждаем, что это объективное действие Бога в истории, ставящее все человечество перед лицом Его могущества.

Я не ожидаю от вас, дорогие читатели, что вы уверуете прежде, чем проверите то, что говорится об Иисусе. Я рассчитываю только на то, что вы подойдете к этому вопросу непредвзято и будете готовы серьезно обдумать рассматриваемые здесь факты. Я лично убежден, что подтверждения достоверности вести об Иисусе достаточно весомы и не представляют собой попытку выдать желаемое за действительное. Именно поэтому я намерен изложить здесь хотя бы некоторые свидетельства.

Согласно Библии, откровение Бога в Иисусе предвещает пришествие Царства Божьего в полноте, когда "явится слава

Господня, и узрит всякая плоть спасение Божие" (Ис 40:5). Однажды занавес, покрывающий тайну Божьего замысла, откроется. Тогда пути Божьи будут полностью поняты и прояснены. Прежде, чем это произойдет, многое останется неясным и неразрешенным; однако Евангелие утверждает, что ключ к тайне человеческой истории и Божьего замысла уже есть, и ключ этот — Сам Иисус Христос. Вступая через веру в личные отношения с Ним, человек вовлекается в процесс спасения.

Достоверность источников

В центре Нового Завета стоит Личность Иисуса Христа. Именно об этой Личности я и буду говорить в первую очередь. Мы верим в то, что Христос родился, жил, совершил свое служение и был распят за наши грехи, воскрес из мертвых и стал Господом вселенной и Спасителем мира[1]. Достоверность этих утверждений и будет в центре нашего внимания. Все остальное следует из этих основополагающих тезисов. Павел сказал: "...а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша" (1 Кор 15:14). Это замечательное и поистине трезвое утверждение будет основой всего нашего последующего анализа. Верно, конечно, и обратное: если Он воскрес, мы все должны быть готовы принять Его как Господа.

Вера в Иисуса основывается на первичных исторических источниках, которые мы называем Евангелиями, поэтому уместно начать с обсуждения достоверности этих документов. Их часто подвергали сомнению, но мне не удалось обнаружить ни одной серьезной причины для недоверия.

Так, например, Рудольф Аугштайн, издатель популярного в Германии еженедельника *Шпигель (Der Spiegel)*, пытается доказать, что представленный в Евангелиях образ Христа в действительности создан христианами более поздних времен и является лишь плодом их фантазии[2]. Ирония заключается в том, что многие утверждения Аугштайна основаны на работах известного исследователя новозаветных текстов Рудольфа Бультмана, преследовавшего цели, скорее, противоположные намерениям Аугштайна. В любом случае его попытка неудачна, потому что игнорирует многие доказательства подлинности Евангелия.

В частности, ранняя датировка новозаветных текстов противоречит версии о том, что большая часть рассказанного об Иисусе — это легенды, сочиненные в первых христианских общинах и не соответствующие никаким фактам. Послания Павла с высокой степенью дос-

товерности датируются первыми десятилетиями после смерти Иисуса, причем он ссылается на очевидцев, которых знал и с которыми говорил. Марк написал свое Евангелие не более чем 30 лет спустя после смерти Христа; оно было написано в первую очередь для христиан в Риме, которые подверглись преследованиям во времена Нерона.

Тридцать лет — это *не* очень большой промежуток времени. Представьте себе, что человек, пишущий в наше время о второй мировой войне, будет выдумывать одно событие за другим. Ему бы это не сошло с рук, потому что вокруг достаточно людей, которые сами хорошо помнят то, что происходило тогда. Но тот же самый (даже несколько меньший) промежуток времени отделял Марка, когда он писал Евангелие, от описываемых событий. В одном из своих последних исследований Дж. Робинсон доказывает, что все 27 книг Нового Завета были написаны не позднее 70 г. н.э.[3] Но, даже если он и не прав, все равно временной промежуток слишком мал, чтобы (как это предполагает Аугштайн) могли возникнуть легенды.

Другое свидетельство подлинности Евангелий — речь Иисуса. Особенности лексики, арамейские обороты, синтаксис и ритм Его речи соответствуют палестинской среде, в которой жил Иисус, а не греческой среде более поздних христианских общин. То, что мы слышим в Евангелиях, — это голос Самого Иисуса.

Названный факт весьма полно исследован профессором Иоахимом Иеремиасом, который сформулировал следующий вывод: "Лингвистические и стилистические данные показывают, что в своей речи Иисус был верен традиции и оказывал ей неизменное уважение. Поэтому аутентичность высказываний Иисуса вовсе не требуется доказывать. Скорее доказательств нужно требовать от того, кто станет утверждать их неаутентичность"[4].

Еще одно подтверждение достоверности книг Нового Завета приводит А.Н. Шервин-Уайт, рассматривая римскую юридическую практику того времени и ее описания в Евангелиях и в Деяниях Апостолов. Оказывается, что процесс над Иисусом и процесс над Павлом представлены там в точном соответствии с тем, что нам вообще известно о судебной практике в Римской Империи в первой половине I века н.э. К тому времени, когда Евангелия были написаны, в процедуру следствия и суда уже были внесены серьезные изменения, поэтому авторы этих книг едва ли могли бы правильно описать все подробности, если бы им не были известны подлинные факты. Шервин-Уайт заключает свою книгу энергичным призывом проявлять честность

при оценке достоверности Евангелий, которые, по его мнению, отнюдь не уступают по надежности источникам, традиционно признаваемым большинством историков. Он выражает удивление и огорчение в связи с попытками отрицать подлинность свидетельств Нового Завета, несмотря на существование столь веских доводов в пользу его достоверности[5].

Отрицательное отношение к исторической ценности Евангелий часто возникает, по-видимому, из-за сочетания сомнительных методов анализа текста с принципиальным неверием в то, о чем Евангелия рассказывают. Что касается методов, то многие критики часто исходят из негативной посылки: "Почему мы должны соглашаться с тем, что это высказывание было произнесено Иисусом, когда оно могло быть сказано и кем-нибудь еще?" При таком подходе едва ли можно достичь положительных результатов, поскольку сама постановка вопроса подразумевает отрицательный ответ.

Вместе с этим методом часто используют так называемый метод несходства. Этот последний основывается на утверждении, что ни одно из высказываний не может быть признано подлинным, если оно имеет аналоги в книгах иудейских учителей или в раннехристианской литературе. На практике это означает, что мы можем слышать голос Иисуса лишь тогда, когда Он одновременно расходится и с иудейской традицией, и с высказываниями Своих учеников. Подобный критерий несомненно приведет к серьезному искажению исторических фактов. Конечно, то, что выживет после подобной критики, вероятно, будет подлинным; но столь жесткий отсев едва ли может быть оправдан.

Тем не менее, использование этого принципа может дать ряд ценных свидетельств в пользу подлинности Евангелий. В них, например, рассказывается, что Иисус не раз спорил с иудейскими законниками по поводу соблюдения субботы. В первых христианских общинах эта проблема не обсуждалась вовсе, зато для ранней церкви очень важен был вопрос об обязательности обрезания, о котором Иисус не говорит ничего. Это наблюдение подтверждает мысль, что Евангелия правильно передают, чему учил Иисус, а не вкладывают в Его уста высказывания по поводу проблем, впоследствии возникших у первых христиан. Павел также проявляет уважение к исторической точности, всегда различая слова, произнесенные Христом во время Его пребывания на земле, и свои собственные мысли по этому же поводу (1 Кор 7:10, 12). Очевидно, у Павла не было привычки приписывать

Иисусу слова, которые Он не говорил, даже если сам Павел считал эти слова совершенно истинными.

Итак, историческое качество новозаветных источников позволяет относиться с доверием к их сообщениям и не оставляет места для скепсиса. Я вовсе не призываю к некритическому восприятию этих текстов, но настаиваю на честном отношении к ним.

Кем же был Иисус?

Иисус был прежде всего проповедником Благой Вести о Царстве Божьем. Кратко эта весть выражена в следующих Его словах: "...исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие" (Мк 1:15). Царство Божье — это явное правление Бога, Чье вмешательство в историю приведет человечество к конечной цели — спасению и суду. Иисус призвал каждого принять собственное решение о том, как отнестись к грядущим событиям, к которым ведет людей воля Бога. В то время Царство уже открылось в словах и поступках Самого Иисуса. Занимался рассвет долгожданной мессианской эры, и среди тех, кто слушал Его, уже присутствовало Царство Божье (Лк 17:20-21).

Существеннейшей чертой происходящего является, по словам Иисуса, великодушие Бога, Который хочет принять каждого, кто придет на великий пир спасения (Мф 8:11; 22:9-10). Хотя люди и грешны, хотя они, образно говоря, в большом долгу перед Богом, Иисус сказал, что Бог простит все их долги и примет их к Себе. Иисус говорил о возможности прощения для всех, включая великих грешников, и убеждал Своих слушателей принять благодать Божью и показать, что они действительно ее получили, начав сами проявлять милость к другим в ответ на Его милость к ним.

Он сравнивал весть о Царстве Божьем с находкой жемчужины огромной ценности, такой, что человек готов продать все, чтобы приобрести ее (Мф 13:45-46). Согласно Евангелию, Бог любит нас и желает вечного единства с нами. Он просит нас решить, примем ли мы это Его предложение, воспользуемся ли открывшейся перед нами возможностью или пренебрежем ею.

Иисус не только проповедовал, но и действовал в соответствии с тем, что говорил. Он не принадлежал к числу религиозных или политических лидеров, заинтересованных в сохранении существующего положения вещей. Он был способен смотреть вперед, предвидя лучший порядок — Царство Божье, а потому критиковал современный Ему порядок во имя этого грядущего Царства. Его слова несли наде-

жду даже самым несчастным и отчаявшимся, с которыми Он охотно отождествлял Себя.

Но Он не предлагал насильственной революции, которая могла лишь добавить новое зло к уже существующему. Хотя Он не отрицал выводов революционеров о том, что в обществе что-то неладно, и хотя политические вожди того времени ошибочно принимали Его Самого за революционера, Иисус был чужд мысли об установлении нового политического режима с помощью насильственных действий. Он призывал любить врагов, а не губить их, он призывал прощать, а не отвечать злом на зло, призывал к готовности страдать, вместо того чтобы применять силу. Можно даже сказать, что Иисус был более революционен, чем сами революционеры, но Его революционность была особого рода. Революция, которую он имел в виду, состояла в радикальном изменении человеческого сердца, его отвращении от себялюбия и повороте к служению Богу и ближнему.

Но Иисус отлично понимал все человеческие проблемы. Он не отворачивался от общества, подобно ессеям, жившим замкнутой общиной на берегу Мертвого моря. Он не был монахом-аскетом и не посылал своих последователей в монастырь или в пустыню. Он не требовал, чтобы они порвали со всеми мирскими делами и занимались только внутренним самоусовершенствованием. Будучи чужд мрачной угрюмости, Христос обращал особое внимание на проявление живой радости в присутствии Бога, доброта Которого безгранична и Чья благодать не связана ни с какими условиями.

Это также отличало Его от фарисеев, которые, уделяя основное внимание строгому выполнению Закона, теряли из виду милосердие и любовь Бога. Во всем Его образе жизни в целом обнаруживалось нечто уникальное, отличавшее Его от всех людей. Он жил в полном согласии с тем, что провозглашал: с вестью о любви и милосердии Бога по отношению ко всем людям[6].

В Своей проповеди и самой Своей жизнью Иисус сообщает нечто совершенно удивительное также и о Себе, о Своей Личности. Нам известно о том необыкновенном воздействии, которое оказывали на находящихся рядом с Ним Его слова и само Его присутствие. Люди постоянно поражались тому, что Он говорил и действовал, "как власть имеющий" (Мф 7:28-29). Весьма важные особы приходили и преклонялись перед Ним, ученики принимали Его призыв без колебаний. Однажды римский центурион указал на то, что он, будучи офицером

римской армии, обладает все же меньшей властью, чем Христос (Мф 8:5-10).

Учение и дела Иисуса быстро стали известны далеко за пределами круга Его последователей. Его враги тоже обратили внимание на то, что Он учит и действует со властью, и безуспешно пытались противостоять Ему (Мк 11:28). Иисус знал, что получил Свою власть свыше, и они тоже, по-видимому, об этом знали. Это трудно было не заметить, наблюдая за тем, что Он говорил и как действовал. Так, обещая людям прощение от Бога, Иисус брал на себя полномочия посредника, проводника Божьей благодати; и Он знал, что имеет право взять на Себя прерогативы Бога (Мк 2:10).

В самой Его речи ясно обнаруживается сознание данной Ему власти. Его выражение "но Я говорю вам" и употребляемое Им слово "истинно" — все это доказывает, что Он сознавал, что обладает Божьей властью. Он не говорит, подобно ветхозаветным пророкам: "Так говорит Господь", но — "Истинно говорю вам". Он не говорит, как Исайя: "...слово Бога нашего пребудет вечно" (Ис 40:8), но — "...слова Мои не прейдут" (Мф 24:35). Сознание Своей власти и ссылки на Себя в Своем учении замечательным образом выделяют Его среди других выдающихся деятелей в истории религии[7].

Сознание Божьей власти, которое проявляет Иисус, восходит к двум источникам. Во-первых, Он сознавал, что помазан Духом Божьим и способен высказывать Слово Божье, как пророк, с полной уверенностью. Во-вторых, Он обладал ясным сознанием того, что Он — Сын Божий в уникальном смысле этого слова. Иеремиас в своих работах особенно подчеркивал тот факт, что Иисус, обращаясь в молитве к Богу, употребляет слово *Авва*, что на Его родном арамейском языке означает "отец" или "папа". В современном Ему иудаизме нет примеров такого употребления этого слова; Иисус же обращается к Богу именно так. Быть может, другие считали эту форму детской или слишком фамильярной при обращении к Богу. Но для Иисуса слово *Авва* выражало чувство сыновней близости, которое Он испытывал к Своему Отцу. Будучи Божественным Сыном Отца, Иисус находился в уникальных отношениях с Ним, и Его миссия в мире состояла в том, чтобы сделать детьми Божьими тех, кто поверит в Него.

Эта тема присутствует во всех четырех Евангелиях. Но у Иоанна она развита наиболее выразительно. Объясняя, почему Он совершает исцеление в субботу, Иисус говорит: "Отец Мой доныне делает, и Я

делаю" (5:17). Именно то, что Он ставил Себя наравне с Богом и утверждал, что действует в мире так, как если бы Он был Богом, и спровоцировало иудейские власти на Его убийство (Ин 5:18)[8]. Его утверждения остаются вызывающими и в наши дни. Они вынуждают нас занять определенную позицию по отношению к Нему и решить, верим ли мы, что Он Сын Божий и равен Богу.

Со своей обычной прямотой и проницательностью К.С.Льюис ставит вопрос так:

> "Я хотел бы предотвратить поистине глупое замечание, которое часто приходится слышать: "Готов признать, что Иисус — великий учитель нравственности, но никогда не приму Его притязаний на то, что Он — Бог". Это единственное, чего мы не имеем права сказать. Простой смертный, который утверждал бы то же самое, что Иисус, не может быть великим учителем нравственности; он либо сумасшедший вроде тех, кто считает себя яйцом всмятку, либо сам дьявол. Других вариантов нет: либо это Сын Божий, либо сумасшедший или кто-то еще хуже. Вы должны сделать выбор: можете отвернуться от Него как от ненормального и не обращать на Него внимания, можете плевать на Него и убить Его, как одержимого бесом; или же вы должны пасть к Его ногам и признать Его Господом и Богом. Но, пожалуйста, не повторяйте снисходительную бессмыслицу, что Он для вас — просто великий учитель. Он не оставил нам возможности думать так"[9].

Иисус поставил израильские и римские власти перед трудной проблемой. Его слова и поступки глубоко обеспокоили их; с их точки зрения они представляли собой серьезную угрозу религиозной и политической жизни нации. Им нужно было опозорить Иисуса и избавиться от Него. Надо было доказать, что в глазах религии Он — еретик, а в глазах закона — изменник. Проще всего можно было добиться этого, играя на различных оттенках значения слова *Мессия*, что и было сделано. Состоялся суд, на котором Его свидетельство о Самом Себе было поставлено Ему в вину неверующими в Него иудеями; перед римскими властями Ему инкриминировали его радикальную социальную программу. Таким образом, казалось бы, врагам удалось избавиться от Него, подвергнув Его мучительной казни через распятие.

С точки зрения Самого Христа все это выглядело совершенно иначе. Во-первых, Он сознавал, что Он — страдающий Слуга Божий,

и знал об искупительном смысле Своих страданий. Он знал, что будет страдать ради блага других, что Его смерть освободит людей от рабства греху (Мк 10:45). Не свобода от римской тирании, а освобождение от вины и осуждения — вот что станет результатом Его смерти.

Кроме того, Его убежденность в искупительном смысле Своих страданий сочетала в Нем с уверенностью, что смерть не имеет власти над Ним. Он знал, что восторжествует над смертью и обретет Царство, которое ничем не может быть поколеблено (Ис 53; Дан 7).

Уже при Его жизни было дано достаточно доказательств, что Он действительно Мессия, Сын Божий. Но Сам Иисус, по-видимому, основным подтверждением Своих слов считал Свое будущее торжество в воскресении. Простое заявление может быть воспринято как пустой звук; но если оно подтверждается таким фактом, как воскресение из мертвых, то оно оказывается чрезвычайно весомым.

Новое начало

После драматического столкновения с властями Иисус был казнен, а Его ученики разбежались. Однако новое движение почему-то не было подавлено, а напротив, обрело новые силы. Оно возродилось, потому что вырвалась на свободу сила, которую первые христиане связывали с воскресением Христа из мертвых.

Чем можно объяснить это новое начало после такого ужасного конца? Христиане всех времен объясняли это тем, что воскресение Христа в корне изменило положение вещей, которое возникло после Его смерти. Те, кто надеялись избавиться от Христа, просчитались. Он вернулся и вновь стал мешать им, но уже по-другому. Что-то безмерно впечатляющее должно было произойти после смерти Иисуса, чтобы восстановить, казалось бы, окончательно рухнувшую веру Его учеников. Как сказали они сами: "Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели" (Деян 2:32). Кажется совершенно невероятным, чтобы христианское движение могло выжить во враждебной ему иудейской среде после казни руководителя. Столь же невероятным представляется тот факт, что ныне, спустя без малого две тысячи лет после смерти Основателя, сообщество христиан не просто существует, но насчитывает сотни миллионов членов. Такое возможно лишь при условии, что вера христиан основана на неоспоримо реальном событии.

Я хотел бы обратить ваше внимание на один важный факт: ученики не ожидали воскресения Иисуса из мертвых, хотя Сам Он верил, что Отец оправдает Его. После Его смерти они разошлись по домам и

вернулись к прежним занятиям, поскольку, согласно иудейским представлениям того времени, воскресение из мертвых должно было произойти в последний день, когда воскреснут все. Считалось, что оно не может произойти раньше этого дня и что оно не может коснуться лишь одного человека. Ученики не знали тогда, что Мессия воскреснет один, задолго до всеобщего воскресения. Чтобы они могли понять это, в их сознании должен был произойти переворот. Смерть Иисуса их полностью деморализовала, и они потеряли всякую надежду. Поэтому мы не должны считать, что вера в воскресение возникла из-за того, что ученики приняли желаемое за действительное. Чтобы возродить веру в этих упавших духом людях, должно было произойти какое-то реальное событие[10].

Произошло, во-первых, то, что гроб, в котором Иисус был похоронен, был найден пустым на следующее утро после субботы. Сперва никто не мог понять, что это означает; женщины предположили, что тело украдено, а ученики просто не поверили их рассказу о пустом гробе. Все четыре рассказа об этом событии содержат разные подробности, которые не так легко согласовать между собой. Авторы Евангелий и не пытаются их согласовать, что само по себе свидетельствует об их честности; они просто сообщают нам о том, что видели.

Доказательством того факта, что гробница опустела, служит то, что вскоре после этого события началась проповедь о воскресении в Иерусалиме. Как можно было утверждать, что Иисус воскрес из мертвых в том самом городе, где Он недавно был казнен, не имея надежных свидетельств, что Его гроб пуст? Проповедь не могла бы продержаться и дня, если бы этот факт был сомнителен. Враги церкви могли бы извлечь из этого большую пользу для себя и явным образом опровергнуть все, что говорили христиане. Но они не сделали этого, полагаю, по той простой причине, что не могли этого сделать. Почему еврейские предания обвиняют учеников в краже тела Христа? Очевидно, потому, что они также были уверены, что гроб оказался пуст. Проповедь о воскресении могла начаться в Иерусалиме только в том случае, если на третий день после Его смерти Его тела не было в могиле.

Все четыре евангелиста сходятся в том, что пустой гроб был впервые обнаружен женщинами, которые затем рассказали о своем открытии ученикам. Важно помнить, какое место занимали женщины в иудейском обществе того времени, и осознавать, что свидетельство женщины не рассматривалось еврейским законом как заслуживающее

доверия. Если факт воскресения придуман в ранней церкви, то зачем было авторам Евангелий вводить в рассказ такую деталь, которая уменьшала его достоверность в глазах многих? Очевидно, что они не стали бы так делать. Такую подробность не стали бы изобретать для пущей убедительности, о ней можно рассказывать только в том случае, если так и было на самом деле. (Я тоже думаю, что так было на самом деле. Через это событие Бог хотел показать, что женщины — полноправные человеческие существа, чтобы проповедь Благой Вести послужила также и освобождению женщин.) Если бы рассказ о воскресении был вымыслом, то первыми свидетелями воскресения, конечно, оказались бы мужчины.

В рассказе о воскресении, написанном Иоанном, есть маленькая подробность, на которую я хотел бы обратить ваше внимание, потому что она, несомненно, может быть записана лишь очевидцем. Иоанн рассказывает, как Петр и другой ученик, не названный по имени, бегут ко гробу и находят пелены, лежащие там, нетронутыми, словно тело Иисуса прошло сквозь них. В Евангелии говорится, что, увидев это, ученик уверовал (Ин 20:8). Само упоминание этой детали наводит на мысль, что мы имеем дело с рассказом непосредственного свидетеля.

То, что он увидел, также весьма важно. Пелены, обильно пропитанные ароматическими веществами, не сорваны с тела грабителями и не разбросаны как попало. Они просто лежали там, где были, как если бы тело, которое они обвивали, исчезло. Когда ученик увидел это, он сразу понял, что именно это значит: Иисус воскрес к новой жизни. Его воскресение не было похоже на воскресение Лазаря, который вышел из гроба под грузом обвивавших его пелен, возвращаясь к прежней земной жизни. Иисус воскрес к новой жизни, Он вошел в новое измерение бытия.

Однако обнаружение пустого гроба еще не убедило первых христиан, что Христос воскрес. Убедило их лишь явление Самого Воскресшего. Как говорит Лука: "...явил Себя живым по страдании Своем со многими верными доказательствами, в продолжении сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божием..." (Деян 1:3). Павел не упомянул о пустом гробе, но он оставил список тех, кто встречал воскресшего Христа (1 Кор 15:5-8). Среди них — группа из пятисот человек, многие из которых были еще живы в то время, когда Павел писал, и их вполне можно было расспросить об этом. Павел писал не о

христианском мистическом опыте, а о ряде совершенно определенных событий, когда Господь являлся определенным лицам.

Трудно сказать точно, на что были похожи явления воскресшего Иисуса. Свидетельства об этих встречах различны. Павел описывает свое переживание по пути в Дамаск как объективное явление, а Лука подчеркивает даже физическую природу происходившего. Ясно одно: люди, которым довелось видеть Господа, сознавали, насколько необычно их переживание. Это было не просто исполнение Святым Духом, которое мы обсуждали во втором круге, но доказательство того, что Иисус жив и живет новой, вечной жизнью. Явления Воскресшего имели место в течение нескольких недель в различных местах и в присутствии большого количества людей, по одиночке и в группах. Вряд ли можно объяснить это галлюцинациями, особенно если учесть, что ученики находились в это время в состоянии крайней подавленности[11].

Наряду с этими доказательствами, нужно упомянуть о том, что христиане всех времен переживали и переживают воскресение Иисуса как реальный факт. Огромное большинство верующих не видело, подобно ученикам, Господа во плоти, но силу воскресения они почувствовали в своей жизни. Хотя явления Воскресшего продолжались лишь краткое время, Христос никогда не переставал присутствовать в церкви. Его общение с нами происходит постоянно. Любой человек ныне может не только удостовериться в воскресении Христа как в историческом факте, но может убедиться в его подлинности, обнаружив реальное присутствие Христа в своей жизни.

Поверить в Христа — это не значит прыгнуть в темноту, зажмурив глаза. Эта вера основана на достоверных исторических фактах. Исторические свидетельства воскресения Иисуса, если не подходить к ним предвзято, очень надежны и производят глубокое впечатление. Конечно, знание, полученное в результате исторических исследований, может быть только вероятным, как, впрочем, и любое знание, основанное на опыте. Оно не может обладать абсолютной достоверностью, как, например, знание математическое. Но это знание помогает жить, мыслить и действовать, и оно является твердым основанием нашей веры.

Принцип аналогии

Но можем ли мы ныне, в конце XX века, допускать возможность воскресения Иисуса — этого чудесного события, столь далекого от нашей привычной жизни? Как можем мы признать достоверность

беспрецедентного события, не имеющего никаких аналогов в опыте человечества и противоречащего весьма уважаемому ныне мнению, что история есть непрерывная цепь причин и следствий?

В ответ я могу лишь сказать, что принцип аналогии действительно является важным методом отбора данных в историческом исследовании, но мы не должны доверять ему безоговорочно, полностью исключая из рассмотрения все новое, не имеющее аналогов в прошлом. Долгое время существовал некий универсальный опыт, уверенно отрицавший, что человек может ступить на Луну. Однако было бы ошибкой утверждать, что такое никогда не случится. Не допускать даже возможности того, что чудо воскресения может произойти, — это значит позволить принципу аналогии завести себя слишком далеко. Такая позиция близка к непробиваемой атеистической убежденности, не отступающей даже перед лицом самых неоспоримых свидетельств. Никто, однако, не имеет права распространять в приказном порядке метафизику и предписывать реальности законы, запрещающие то, о чем говорит Благая Весть. Рассуждения, содержащиеся в первых трех кругах, привели нас к возможности существования Бога, а потому мы не имеем права исключать возможность чуда.

При обычных обстоятельствах ученый (в том числе историк) не учитывает в своих исследованиях возможность чуда; подобным образом и юрист, действующий по закону, не должен рассчитывать на то, что президент помилует его подзащитного. Если такое помилование действительно произойдет, то оно будет свободным решением президента, не зависящим от мастерства адвоката. Как юрист, он не может ничего сделать для того, чтобы добиться помилования; однако это не значит, что помилование невозможно. Чудо, если оно происходит, конечно же, происходит неожиданно — иначе оно не было бы чудом. Но если существует надежное свидетельство в пользу того, что чудо случилось, такое свидетельство нужно тщательно изучить, а не отбрасывать в сторону.

Принцип аналогии обращается преимущественно к нашему обыденному опыту. Но реальность не ограничивается тем, что пережил я сам. Наше знание обогащается переживаниями и рассказами других. Обычно эти сообщения вполне соответствуют нашим ожиданиям, но это не обязательно должно быть так. Иногда рассказы других открывают нам новые перспективы, дают возможность увидеть реальность с иной точки зрения. В таких случаях мы не делаем сразу же вывод о том, что сообщение, услышанное нами, непременно ложно. Мы тща-

тельно взвешиваем все "за" и "против", чтобы понять, может ли оно быть верным.

Говоря о воскресении Иисуса, мы имеем дело с такой ситуацией: у нас есть убедительные сообщения о том, что произошло уникальное событие; объяснить эти свидетельства обычным образом не удается, поэтому представляется естественным, учитывая общий контекст, признать это чудесное событие действительно происшедшим. Отказ сделать это равносилен, на мой взгляд, отказу от того способа, которым мы обычно получаем знания о мире. Есть люди, которые готовы заплатить и такую цену, лишь бы избежать необходимости поставить перед собой вопрос о вере во всей его полноте. У меня, однако, есть некоторые сомнения в честности этих людей.

Что же это означает?

Для отдельного человека это означает необходимость принять решение. Существуют достоверные свидетельства того, что Бог приходил в мир в Лице Иисуса Христа и что Он претендует на право быть Господином жизни каждого из нас. Бог воскресил Иисуса, подтвердив тем самым слова, сказанные Иисусом прежде воскресения. Мы получили верное свидетельство того, что Христос — Господь всего сущего. Утверждение Иисуса о том, что Он — Сын Бога, и Его обещание прощения и спасения всем, верующим в Него, получили самое недвусмысленное обоснование. Следующий шаг — за нами.

Если Бог действительно существует и если Он действительно хочет, чтобы слова Иисуса о спасении были приняты как исходящие от Него, то вряд ли Он мог бы совершить что-либо более убедительное, чем воскресение Христа. Ричард Л. Пертилл замечает: "Если я утверждаю, что обладаю полнотой власти в какой-либо организации, то самым лучшим подтверждением моего заявления была бы моя способность изменить правила, действующие в этой организации, или сделать по своей воле исключение из этих правил. Подумайте теперь, как Бог, Который никогда не мешает вселенной идти своим ходом, мог показать достоверность посланной Им вести"[12].

Поэтому я советую вам, дорогие читатели, осознать, на какую власть претендовал Иисус, а также и то, что Его власть убедительно подтверждена. Как во время Своего земного служения Он призывал людей довериться Ему, так и сейчас Он призывает нас поверить Ему и следовать за Ним.

По отношению к Иисусу невозможно сохранять нейтралитет. Его можно либо принять, либо отвергнуть. Не принять никакого реше-

ния — значит принять отрицательное решение. Он не призывает нас исповедовать веру лишь на словах или в уме. Он призывает нас принять окончательное решение и начать строить свою жизнь на Нем, как на единственной надежной основе (Мф 7:21-27).

Достоверность того, что Иисус Сам говорил о Себе, имеет много следствий для нас. Одно из них — это полная уверенность в спасении и прощении. Павел сказал, что Иисус был "предан за грехи наши и воскрес для оправдания нашего" (Рим 4:25). Христос рассматривал Свою смерть как акт искупления человечества, освобождения его от греха, и Его воскресение свидетельствует, что грех теперь устранен и мы освобождены от его власти. "Итак нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе..."(Рим 8:1).

Второе следствие связано с надеждой. В иудейском представлении воскресение означает окончательное спасение человека в новой жизни. Первых христиан воскресение Христа исполняло надеждой, потому что служило доказательством возможности искупления и отдельной личности, и всего творения. Петр говорит, что Бог возродил нас "по великой Своей милости... воскресением Иисуса Христа из мертвых к упованию живому, к наследству нетленному, чистому, неувядаемому, хранящемуся на небесах для вас..." (1 Пет 1:3-4). Воскресение Христа дает нам возможность сохранять надежду среди любых тревог и обескураживающих обстоятельств. Оно есть верное доказательство тому, что Бог победит силы тьмы и Его Царство восторжествует.

Фактическое подтверждение истинности христианского благовестия означает, что внутреннее стремление человека к осмысленности (первый круг аргументов), его переживание присутствия Бога в жизни (второй круг), желание понять и объяснить мир (третий круг) имеют под собой реальную почву. Человеческая жизнь имеет смысл, потому что она не продукт случайного стечения обстоятельств, а результат творческой активности Бога; более того, она освящена исторически достоверным явлением Самого Бога в Личности Иисуса Христа.

Глава 5

Пятый круг: социально-этические свидетельства веры

То, о чем пойдет речь в этом разделе, прекрасно выражено в одном из документов 2-го Ватиканского Собора: "Присутствие Божье более всего открывается... в братском милосердии верующих, которые, будучи объединены в духе, трудятся ради евангельской веры и сами являются знамением единства"[1]. Образ жизни первых христиан в их общинах был, очевидно, весьма необычен для окружающих, пытавшихся выяснить, на что же надеются эти люди (1 Пет 3:15). Их поведение, находившееся в согласии с духом Евангелия, привлекало внимание многих и придавало достоверность их вероучению. Вера христиан получала наглядное подтверждение благодаря примеру христианских общин, все более привлекавших всех, кто искал новый жизненный путь и новые общественные идеалы. Августин пишет, что к христианству он пришел в значительной мере благодаря тем примерам милосердия, которые он мог видеть в церкви[2].

В первых двух разделах речь шла о том, как Иисус способен утолить экзистенциальную жажду человека. Содержанием следующих двух разделов стала интеллектуальная основа веры и вопрос об отно-

шении веры к истине. Теперь же нам необходимо обратиться к социальным потребностям человека. Нужно признать, что потребность в спасении имеет важнейший социальный аспект; спасение предполагает полноту жизни в новом обществе, гуманном в подлинном смысле этого слова.

Вполне объяснимо, что многие молодые люди в наше время столь безудержно отдаются новым религиозным течениям, именуемым обычно "тоталитарными сектами" или "культами". Последние часто обещают братские отношения в новой семье. Многие из этих молодых людей свидетельствуют, что другие члены культа заботилась о них и принимали их такими, как они есть; они помогали новичкам почувствовать себя неотъемлемой частью группы. В современном западном обществе связи между людьми донельзя ослаблены, а потому существует сильная потребность в простой дружбе и участии. Хотя я думаю, что эти новообращенные сектанты могли найти такую дружбу и в христианской общине, факт остается фактом: там они ее не нашли. Их неутоленное стремление повело их в другое место, в секту, чье вероучение, может быть, и казалось им нелепым, но чья общинная жизнь внушала им доверие[3].

Сегодня многих людей, как в церкви, так и вне ее, волнуют не только экзистенциальные и интеллектуальные вопросы; их беспокоят также политические и этические проблемы. Логичной аргументации в философской и богословской сфере явно недостаточно для обоснования веры; теоретические доводы должны подтверждаться соответствующим образом жизни. Люди ожидают, что вера сможет создать братство вместо отчужденности, что она будет способствовать совершенствованию человеческого общества.

Еще недавно большие надежды возлагались на прогресс в научно-технической сфере. Однако преобразить человеческую жизнь и осчастливить мир с помощью новых технологий оказалось невозможно. Конечно, эти технологии создали для некоторых больший комфорт и открыли дополнительные возможности; но они не принесли освобождения для большинства людей земли, а для всего человечества оказались весьма сомнительным благом. В значительной мере развитие техники стало причиной дегуманизации общества.

Многие также считали, что путем к завоеванию подлинного счастья могут стать политические революции. Но и эти надежды не сбылись; в тех же странах, где в течение некоторого времени пытались

строить коммунизм, менее всего заметны черты свободного бесклассового общества, о котором говорил Карл Маркс.

Но если надежду на счастье и свободу нельзя осуществить мирскими средствами, то это не значит, что мы должны вообще отказаться от надежды; не значит это также, что мы должны отказаться от всяких усилий в сфере политики или в сфере технологии. Дело лишь в том, что наша надежда на лучшее человеческое общество должна иметь более прочное основание, найти которое можно лишь в Благой Вести, записанной в Новом Завете[4].

Подлинная революция

Благая Весть, давая нам новое понимание любви и справедливости, имеет очень большое значение для решения вопросов общественной жизни (несмотря на то, что многие склонны думать и утверждать обратное). История народа Божьего началась с того, что Авраам услышал призыв начать новую жизнь, жизнь, в которой он должен полагаться на Бога и жить согласно новым нормам поведения. Бог пообещал Аврааму благословить его и его потомков; когда потомки Авраама стали народом, то Бог вновь обещал благословить их, если они будут верны завету с Ним и Его условиям. Условия же эти были провозглашены на горе Синай после великого избавления от египетского рабства. Бог поставил перед Израилем цель — стать "царством священников и народом святым" (Исх 19:6), народом, который жил бы согласно новым нормам.

Хотя заповеди, данные в этот момент Богом Израилю, не были Его последним словом (позднее Он прибавлял к ним новые элементы или видоизменял их), Израиль согласился жить в страхе Божьем и всерьез принять Его Закон. Закон охватывал все сферы жизни в мире: справедливость в общественных делах, милосердие по отношению к тем, кому приходится тяжело, уважение к другому человеку, любовь к ближнему. Это была подлинная революция, совершенная Самим Богом, Который задумал создать уникальный народ, живущий согласно нормам, разительно отличным от бесчеловечных законов мира сего, народ, который должен был принести исцеление всему творению.

О новых отношениях между людьми говорит Иисус в своей проповеди о Царстве Божьем. Он призвал всех слушающих его жить такой жизнью, которая могла бы стать достойным знамением грядущего Царства. Он говорил о том, как должно вести себя тем, кто намерен следовать Ему. Таких людей Он назвал солью земли и светом миру, потому что другие люди, увидев, как изменилась жизнь поверивших в

Него, прославят Бога за то, что увидели (Мф 5:13-16). Его слова — выражение библейского замысла о переустройстве общества. Согласно этому замыслу народ Божий должен дать человечеству, жизнь которого обезображена грехом, новые нормы поведения. Присутствие в мире тех, кто живет согласно столь высоким нравственным требованиям, Иисус рассматривал как свидетельство истинности Своих утверждений[5].

Сам Иисус представлял совершенный образец того поведения, к которому призывал остальных. Образ жизни, проповедуемый Им, подразумевает полную переориентацию мыслей и поступков. В сфере общественных отношений главной ценностью становится человек, его спасение и благополучие. Любовь к ближнему и служение ему ставятся выше, чем строгое соблюдение закона. Протянуть руку помощи человеку, попавшему в беду, гораздо важнее, чем выполнить то или иное предписание. Эта любовь не признает границ, установленных людьми, она распространяется и на врагов, она предполагает прощение тех, кто сделал нам зло, потому что Сам Бог распространяет Свою милость на всех. Жизнь, к которой призвал нас Иисус, включает взаимное служение друг другу, основанное на любви и, в конечном счете, на подражании Богу.

Все эти принципы Иисус осуществил на практике. Все Его поведение полностью соответствует тому, что Он провозглашал. Он служил слабым, больным и отверженным. Он стоял на стороне тех, кого в то время считали людьми второго сорта (например, женщин и детей) и утверждал достоинство тех, кого считали нравственно несостоятельными, падшими людьми. Он пришел "взыскать и спасти погибшее" (Лк 19:10), а не просто призвать к праведности. Поэтому он общался с теми, кого мы бы назвали маргиналами, с отверженными и дискриминируемыми. При этом Иисус не создавал новый закон, а призывал подражать доброте и милосердию Отца. Он показал, как можно не только проповедовать милость Божью, но и осуществлять ее на деле.

Апостолы Иисуса остались верны Его принципам. Павел, как правило, дополнял в своих посланиях учение о Благой Вести разделом о том, как практически жить новой жизнью любви и служения ближнему (Рим 12-15; Еф 4-6). Этот принцип замечательно выражен в следующих стихах:

> "Итак облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпе-

ние, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы. Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства..." (Кол 3:12-14).

Павел верил, что с приходом Христа возникли новые отношения между людьми, основанные на подражании Христу. Этот новый порядок должен подразумевать доброту по отношению к слабым и подлинную духовную свободу, прежде всего, свободу от стремления к наживе и обладанию.

В одном из своих посланий Павел посвятил целых две главы описанию того, как проявляется христианская этика в одном конкретном аспекте (2 Кор 8-9). Он хотел, чтобы другие церкви знали о том добром деле, которое сделали верующие в Македонии. Эти христиане, сами не особенно состоятельные, тем не менее, жертвовали, поддерживая святых в Иерусалиме, которые терпели ужасные лишения.

Павел упоминает о двух причинах, побуждавших македонских христиан поступать так. Во-первых, их вдохновлял пример Самого Христа, Который пожертвовал всем, чтобы спасти человечество. Никто никогда не был богаче, чем Сын Божий до Своего вочеловечения, но никто не становился так беден, как Он во время Его земной жизни. Этот Его пример настоятельно побуждал и их к жертве ради нуждающихся (2 Кор 8:9).

Во-вторых, эти христиане заботились о справедливости и равенстве. Они считали нечестным обладать относительным материальным богатством, когда другие терпят настоящую нужду (2 Кор 8:14). Поэтому они делали все, что было в их силах, чтобы своей благотворительностью исправить положение. Они не считали, что обладают неотъемлемым правом на свою собственность, поскольку она дана им Богом и они отвечают перед Ним за то, как будут распоряжаться ею.

Павел объясняет, что причиной, почему они не заботились о собственных потребностях и отдавали то, что, казалось бы, так трудно отдать, была искренняя вера в Бога, Который с избытком благословляет всех, кто послушен Его воле. Гарантию своего благополучия они видели в Нем, а не в своей собственности; это и стало источником их великодушия. Павел рассказывает об этом эпизоде, потому что он очень хорошо иллюстрирует сущность христианской этики: "Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других. Ибо в вас должны быть те же чувствования, что и во Христе Иисусе..." (Флп 2:4-5).

Благая Весть, таким образом, предлагает нам уже здесь, на земле, начать движение к Царству Божьему, восстановив то качество жизни, которое Бог хочет дать нам. Поэтому такое большое внимание уделяется в Библии народу Божьему, христианской общине, которая призвана стать примером для всего мира и самой жизнью своей в общении всех членов друг с другом свидетельствовать миру о Божьей благодати.

До сих пор в этой книге я пытался показать, что Благая Весть привлекательна и предлагается каждому, кто захочет принять ее. Но теперь мы подошли к разговору о цене, которую должен заплатить тот, кто примет ее. Иисус требует полного посвящения себя Богу, и именно поэтому многим бывает нелегко принять его.

С другой стороны, возможно, именно к этому стремятся многие из тех, кто ищет веру. (Заметим в скобках, что, например, коммунистические лидеры, предъявляя высокие требования к членам партии, скорее приобрели, а не потеряли сторонников.) Но прежде всего важно уразуметь: если христианское благовестие истинно, то оно заслуживает полной отдачи всего себя, и я не стесняюсь заявить об этом в полный голос. Мы призваны отдать себя "в жертву живую, святую, благоугодную Богу" (Рим 12:1).

Влияние Евангелия на общество

Влияние проповеди Иисуса не прекратилось с концом апостольского века. Конечно, и до Христа многие древние философы призывали к нравственной жизни, но их призывы не имели такой силы. Историк В.Э.Х. Леки отмечает:

> "На долю христианства выпало представить миру идеальный характер, который, несмотря на все изменения, происходящие в мире в течение восемнадцати столетий, продолжает вдохновлять человеческие сердца; Иисус доказал, что способен воздействовать на людей всех возрастов, всех культур, всех темпераментов, всех социальных слоев. Он всегда был не только высшим образцом добродетели, но и сильнейшим стимулом для подлинно добродетельного поведения; Он оказал такое глубокое влияние на людей, что можно не колеблясь сказать: простое повествование о трех годах жизни Христа сделало для возрождения и смягчения нравов человечества больше, чем все изыскания философов и призывы моралистов"[6].

На чем основана столь высокая оценка? Рассмотрим сначала свидетельства, касающиеся социального влияния ранней церкви. Церковный историк Адольф Гарнак описывает, как первые христиане проявляли сострадание и заботу о людях[7].

(1) Им было предписано проявлять щедрость в раздаче милостыни. Они даже организовывали специальные фонды для помощи нуждающимся, особенно вдовам и сиротам. (2) Они оказывали поддержку больным и инвалидам, учреждали больницы в крупных городах. (3) Ранняя церковь проявляла заботу о заключенных, о тех, кто томился в шахтах. Забота эта была столь эффективной, что Лициний, последний языческий император перед Константином, даже издал закон, запрещавший кому бы то ни было облегчать страдания этих несчастных. (4) Были организованы фонды для обеспечения похорон бедняков, не имевших средств. Это увеличило привлекательность христианства для населения, которое по достоинству оценило это доброе дело. (5) Хотя ранние христиане еще не пытались отменить рабство, они обращались с рабами по-человечески и настаивали на человеческом обращении с ними. Часто рабов выкупали из рабства за счет церковных фондов. (6) Существует множество свидетельств того, как христиане откликались на нужды людей, потерпевших бедствия в результате катастроф. Вот цитата из "Церковной истории" Евсевия Кесарийского: "В разгар ужасного бедствия они доказывали на деле свое сочувствие к пострадавшим и свою человечность. Весь день напролет одни из них продолжали без отдыха заботиться об умирающих и хоронить умерших (количество их было невероятное); при этом никто не заставлял их делать это и не следил за ними. Другие из них собирали несчастных, доведенных до умопомрачения и бродивших по городу (их было также великое множество), раздавали хлеб, так что хвала раздавалась христианам со всех сторон, и все люди славили Бога христиан и признавали, что только христиане были благочестивыми и истинно набожными: разве дела их не говорили сами за себя?"[8] (7) Ранние христиане не только говорили о достоинстве труда, но и прилагали усилия для обеспечения работой безработных, давали возможность учиться тем, кто не знал ремесла. Люди, которые не могли работать, содержались за счет церковных фондов.

Ранние христиане осуждали аборты, детоубийства и самоубийства. Они также единодушно осуждали жестокость гладиаторских боев при почти полном молчании по этому поводу римских писателей. Бои

были отменены после того, как монах Гонорий бросился на арену, чтобы остановить состязание гладиаторов, и был убит.

Можно поэтому заключить, что воздействие древней церкви на общественную жизнь было огромным. Вот еще одна цитата из Леки:

> "Я не утаил теневых сторон истории церкви, но, уделив им должное внимание, я не могу не испытывать восхищения перед всей картиной в целом. Глубокое понимание святости человеческой жизни, защита детей, постепенное улучшение положения рабов, а затем и полное их освобождение, запрещение варварских развлечений, создание разнообразных благотворительных организаций, создание христианской системы образования — все это свидетельствует о подлинном человеколюбии, лежащем в самой основе движения. Ничего подобного не было в языческом мире. Воздействие этого движения на человеческую жизнь было исключительно велико. Христианство делало эту жизнь более счастливой. Но его роль в формировании характера людей была, возможно, еще более значительной"[9].

Но и в более поздние времена церковь проявляла себя как общественная сила, активно творящая добро. Идеи, которые мы сейчас воспринимаем как сами собой разумеющиеся (необходимость больниц, школ, общественной системы здравоохранения, забота о душевнобольных), впервые появились в христианских умах. Затем последовали социальные реформы. Например, служение Джона Уэсли в Британии преобразило общество в то самое время, когда во Франции шла кровавая революция. В Северной Америке духовное движение, руководимое Чарльзом Финнеем, дало мощный толчок социальным реформам, положительно сказавшимся на положении рабов, женщин и бедняков[10]. Можно вспомнить и другие примеры: работа Джона Говарда по реформе тюрем, роль квакеров в установлении гражданской и религиозной свободы, деятельность армии спасения и многое другое.

Примеры найти нетрудно; гораздо сложнее в рамках небольшого объема данного раздела дать вам верное представление о том благотворном влиянии, которое оказывает на общество христианство. В настоящее время существует несколько сот христианских благотворительных организаций и движений, направляющих свои усилия на улучшение дел в сфере образования и здравоохранения, разрабатывающих множество разнообразных проектов во многих областях, начиная от сельского хозяйства и кончая повышением

грамотности. Вся эта деятельность осуществляется в связи с всемирной миссией церкви и направлена на облегчение страданий и улучшение жизни людей.

Замечательный символ того, как вера в Христа действует в мире, исполненном страданий, — это сутулая фигура матери Терезы из Калькутты. Она (вместе с сотнями своих сотрудников) посвятила всю свою жизнь служению беднейшим из бедных, тем, кто умирает на улицах Калькутты и других городов. Не так широко известна община из Эль-Пасо в Техасе, которая старается облегчить жизнь бедняков, обитающих в трущобах Хуареса, мексиканского городка, расположенного по другую сторону границы США.

Такая личность, как мать Тереза, сама по себе уникальна; разумеется, людей, подобных ей, не так уж много. Важно, однако, понять, что свое вдохновение и силу она черпает в церкви, сообществе людей, основанном Иисусом и соединенном заповедью любви. Хотя это общество часто и не оправдывает возлагаемых на него ожиданий, но все же именно церковь дает людям поверить в возможность любви, исцеления и спасения. Способно ли еще какое-нибудь общество или движение внушить нечто подобное?

Поэтому я призываю вас присоединиться к этому сообществу людей, для которого руководящим принципом и образцом жизни в мире является Сам Христос. Не нужно богатого воображения, чтобы представить, как изменилась бы вся жизнь не только для отдельного человека, но и для человечества в целом, если бы Благая Весть была принята и стала руководящим принципом повсеместно.

Христиане верят, что силой Евангелия можно преобразить человеческую цивилизацию, привести человечество к тому, чтобы оно в большей степени воплощало Божий замысел и отражало Его славу. Тот документ 2-го Ватиканского собора, который я цитировал в начале этой главы, является, возможно, самым веским публичным заявлением, когда-либо сделанным христианами, в котором выражена вера в способность Евангелия изменить движение человеческой истории к лучшему:

> "Собор видит мир как поле разнообразной деятельности людей, на котором разворачивались величайшие трагедии и величайшие триумфы. Это мир, который создан и поддерживается любовью Творца, стал пленником греха, но ныне освобожден Христом, Который был распят и воскрес, чтобы порвать цепи зла, чтобы мир

мог преобразиться согласно Божьему замыслу и достичь своего подлинного предназначения"[11].

В заключение приведем следующую выдержку из книги Кеннета Скотта Латуретта:

"Более, чем любая другая религия, чем вообще любой фактор человеческой истории, христианство способствовало умственному развитию человека: благодаря христианству языки приобретали письменную форму, создавалась литература, поддерживалось образование от начальной школы до университетского уровня, ум и дух человека получал толчок, побуждавший его по-новому браться за познание неведомого. Оно было самой влиятельной силой в борьбе с такими врагами человечества, как войны, голод и эксплуатация одной расы другой. Больше, чем любая другая религия, оно поддерживало достоинство человеческой личности. Оно достигло этого, стараясь возвысить человека над эгоизмом, над духовной посредственностью, над моральным разложением. Оно вело к бескорыстному подвигу, давая людям поразительную духовную силу. Оно достигло этого также и тем, что высоко ценит каждую человеческую душу и открывает возможности бесконечного роста в общении с Богом"[12].

"Будьте терпеливы, Бог еще не кончил трудиться надо мной!"

Было бы нечестно с нашей стороны отрицать, что в истории церкви есть много позорных страниц. Часто людям бывает трудно увидеть в церкви что-то хорошее и новое, но они легко обнаруживают все, что достойно критики. Рядом с подлинным служением, исполненным любви и самоотверженности, нередко встречаются примеры глупости и извращенности. Многие обвиняют церковь в том, что она не следует своему собственному призванию — представить миру Христа, пришедшего служить людям, во всей доступной полноте. Что можно сказать в ответ на это обвинение?

Во-первых, и это, пожалуй, главное, — как церковь, так и отдельная личность, согласно христианскому учению, еще не искуплена до конца, а потому живет в постоянном напряжении и борьбе. Верующий находится в состоянии конфликта с самим собой, ибо его собственная греховная природа противостоит силе Святого Духа, присутствующего в нем. Следуя за Господом, нужно предвидеть, что придется разделить страдания Христа, и при этом каждый может про-

явить слабость (быть может, вам случалось видеть наклейки с надписью: "Будьте терпеливы, Бог еще не кончил трудиться надо мной!").

Убеждая своих читателей последовать за Христом, я, конечно, хотел бы говорить только о лучшем, что есть в церкви. Однако факт остается фактом: это все еще не та община, какой она, как верят христиане, должна стать, когда Бог сделает ее "славной Церковью, не имеющею пятна, или порока..." (Еф 5:27). Среди пшеницы попадаются плевелы, и Слово укореняется на разных почвах. Пока Христос не придет вновь, будут люди, использующие религию для прикрытия собственных злодеяний, ради достижения личных целей, ради власти и обогащения. Но, хотя совершающие эти злые дела и прикрываются именем Иисуса, Он не имеет с ними ничего общего, и всякий здравомыслящий человек чаще всего сможет отличить подлинное от поддельного.

Во-вторых, далеко не все христиане исходят из того, что их вера — это нечто большее, чем внутренний религиозный опыт и внутрицерковная жизнь. Но даже поняв это, нелегко привести церковь в движение, обратив ее лицом к сложнейшим, иногда просто угрожающим проблемам современности. Времена наивной веры в экономический прогресс ушли в прошлое. Сейчас мы начинаем испытывать дефицит материальных ресурсов и экономический спад. На Западе приходится лишь несколько туже стягивать пояса, но в других регионах положение куда хуже. Огромная диспропорция в распределении материальных благ продолжает увеличиваться; большое число людей в мире умирает от голода, не имеет жилища.

Я не могу утверждать, что церковь найдет пути решения этих задач и возглавит, как она делала это в прошлом, движение, направленное на преодоление стоящих перед человечеством трудностей. Но я знаю, что она обладает достаточным потенциалом, чтобы стать движущей силой в формировании нового образа жизни, соответствующего сложившейся ситуации. Я не сомневаюсь, что церковь, которая существует во всех странах мира и прислушивается к голосу своего Пастыря, способна осуществить миротворческую программу. Свидетельства этого мы видим на примере многих христианских общин, возникающих в различных городах и деревнях. Все больше членов церкви прислушиваются к призыву активно бороться с нищетой и голодом.

Я не могу утверждать, что церковь будет полностью соответствовать своему высокому призванию. Часто она сама оказывается жерт-

вой присущей нашему времени жажды обогащения, нередко остается глуха к словам собственных пророков. Но я уверен, что путь, которым она идет, — лучший из всех возможных путей. Евангельское понимание отношений между людьми никогда еще не было столь насущно. Мы просто погибнем, если не научимся любить друг друга. Дело здесь не в том, чтобы церковь приняла сторону какого-нибудь политического движения. У нее нет никаких планов реформы общества, кроме плана проявления любви в отношениях между людьми. Но кто может сомневаться, что смиренная преданность такому общественному идеалу может повлечь грандиозные перемены?

Другой путь не сулит ничего хорошего. В западной культуре существует очень сильный крен в сторону эгоцентризма[14]. Человек, не следующий за Иисусом, может все свои силы сосредоточить лишь на том, чтобы потворствовать своим желаниям. Такой образ жизни не только ведет к разрушению личности человека. Он гарантирует, что голодные не будут накормлены, а о нуждающихся никто не позаботится.

Перед каждым из нас стоит проблема выбора пути. Я призываю вас пойти узким путем — потерять свою жизнь ради служения Богу и ближним и, таким образом, приобрести ее; а широкий путь ведет к гибели.

Теперь позвольте мне вернуться к нашей основной теме. Не здесь ли мы найдем самую лучшую возможность убедиться в истинности слов Иисуса? Ведь Сам Он говорил: "...кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю" (Ин 7:17). Другими словами, человек, готовый читать Евангелие и поступать согласно учению Евангелия, сам поймет, истинно ли это учение. Для многих истина Евангелия может открыться не в размышлениях, а как результат решения — жить по воле Божьей.

Глава 6

Если вы сомневаетесь

Доказательства, рассмотренные в этой книге, должны помочь вам обрести уверенность в истинности христианского благовестия. Однако никто не застрахован от того, что в какой-то момент он вновь испытает неуверенность и сомнения. Я не имею здесь в виду неуверенность, связанную лишь с эмоциями, со сменой настроения. В жизни мы вполне можем столкнуться с фактами, которые, как может показаться, совершенно не сочетаются с нашей верой, с возражениями, которые грозят буквально опрокинуть ее.

Мне понятны чувства тех, кто испытывает трудности, препятствующие вере, задерживающие духовный рост. Я знаю, что такое сомнения, и полагаю, что каждый христианин, который находит время задуматься о своей вере, также знаком с ними. Сомнение совсем не обязательно оказываются результатом каких-то дурных побуждений. Я сказал "не обязательно", потому что может быть и так, что сомнение представляет собой, по существу, стремление уклониться от выполнения требований, которые предъявляет нам Бог. Но я имею в виду другие сомнения — сомнения, проистекающие от стремления к более полному пониманию, связанные с тягой к познанию, присущей человеческой природе.

Сомнения такого рода имеют свою положительную сторону. Постоянный умственный поиск — главная причина того, что мы познаем

окружающий нас мир, постоянно стремимся углубить свое понимание сути вещей. Сомнение стимулирует нашу мысль, побуждает делать все новые открытия. Сам факт, что вы читаете эту книгу, говорит о том, что у вас возникли некоторые вопросы. Я хотел бы, чтобы прочитав ее, вы через сомнения пришли к еще большей уверенности.

Есть и объективная причина того, что многие наши вопросы остаются без ответа. Бог открывает нам не все, что мы хотели бы знать. Моисей сказал об этом: "Сокрытое принадлежит Господу, Богу нашему..." (Втор 29:29). Павел также признает, что знает лишь "отчасти", однако твердо уверен, что в вечности будет обладать полным знанием (1 Кор 13:12). Итак, если наше знание о Боге и Его замысле является неполным, то во многих вопросах мы попросту невежественны или плохо осведомлены. Все, что лежит вне сферы откровения, остается скрытым для нас и не выдаст своих тайн даже при самом тщательном исследовании. Лишь в конце времен мы достигнем полной ясности по всем вопросам. Это значит, что мы одинаково должны принимать и наше знание, и наше незнание. Нам нужно уметь смиренно признать свое незнание; нам необходим своего рода благоговейный агностицизм в отношении тех предметов, которые не могут быть нам открыты.

Именно так поступал Иов. Он твердо держался того, что знал, и отказывался утверждать то, что знать не мог. Он не строил из себя всезнайку, как это делали его друзья. Кое-что в жизни ставило его в тупик, но он не стыдился признать это и честно приносил Богу свои сомнения. В конце концов Бог, несмотря на сомнения Иова, оправдал и восстановил его, а Иов научился воздерживаться от преждевременных и поверхностных суждений и доверять Господу.

До сих пор в этой книге я приводил аргументы, свидетельствующие в пользу христианской точки зрения и противоречащие мирским взглядам неверующих людей. Пришло время рассмотреть некоторые трудности, которые возникают при желании удостовериться в истинности христианской веры. Я не хотел бы отгораживаться от других точек зрения, а потому намерен честно рассмотреть аргументы, направленные *против* веры в Христа. Такой подход представляется мне справедливым, поскольку я сам хотел бы, чтобы мои оппоненты были как можно более откровенны и беспристрастны.

Псевдопроблемы

Христиане часто бывали злейшими врагами самим себе. Они изобретали себе такие проблемы, которые, не будучи настоящими

проблемами, тем не менее причиняли много лишнего беспокойства, а кроме того, отпугивали людей, искренне стремящихся к истине. Обычно это случалось тогда, когда христиане начинали упорно и яростно отстаивать свою позицию в тех вопросах, на которые Божье откровение не дает определенных ответов. В результате частное мнение некоторых христиан оказывается препятствием на пути к истине для других людей. Следовало бы поэтому попросить прощения у тех, кто, столкнувшись с подобными псевдопроблемами, отказался от дальнейшего исследования христианского благовестия.

Одна из таких псевдопроблем — это надуманное противопоставление науки и религии, в особенности споры, касающиеся сотворения мира и теории эволюции. Даже в наши дни некоторые христиане ведут такие упорные "битвы" с определенными научными теориями, словно от этого зависит христианская вера. Вера в Творца — не обязательно вера в конкретные подробности сотворения мира. Библия не приводит точную дату акта творения и не описывает возникновение мира во всех подробностях. Сколько дней или тысячелетий продолжалось создание мира, не имеет отношения к сути христианства. Иногда людям оказывается трудно принять Евангелие всерьез, если в качестве необходимого предварительного условия для веры предписывается принятие какой-то определенной космологической концепции.

В христианстве есть абсолютные и относительные аспекты. Мнение по поводу возраста земли и механизма сотворения человека относится к сфере относительного знания, в котором позволительно придерживаться разных точек зрения. Догматическая приверженность как креационизму, так и теории эволюции, не подобает умному человеку. Дискуссия по этому поводу должна продолжаться, но христианин совершенно свободен исследовать имеющиеся свидетельства и делать соответствующие выводы[1].

Вторая псевдопроблема — беспокойство по поводу участи тех, кто при жизни не слышал Благой Вести. В этом вопросе существует жесткая линия, приверженцы которой категорически утверждают, что для спасения необходимо явным образом принять веру в Иисуса Христа, которую возвещает христианская церковь. Такая точка зрения исключает возможность спасения едва ли не для большинства людей. Нечего и говорить, что подобные утверждения причинили немало боли самим христианам и стали барьером на пути тех, кто мог бы заинтересоваться Евангелием.

Однако по этому поводу существует и другая точка зрения, достаточно древняя и находящая подтверждение в Писании; согласно ей, Бог имеет дело с людьми там, где Он их застает. Он может открыться им даже в том случае, когда находит их в языческой среде, как Авраама и Мелхиседека. Откровение Бога о Самом Себе обращено ко всем людям; и даже тот, кто живет в наше время, но духовно принадлежит к дохристианской эпохе, может обладать достаточным знанием, чтобы ответить на Божий призыв и посвятить свою жизнь Ему. Как сказал К.С.Льюис, Бог не открыл нам всех Своих замыслов и от нас не требуется разгадывать смысл тех Его суждений, которыми Он с нами не поделился. В этом вопросе мы также должны оставаться в пределах откровения[2].

Третья псевдопроблема — это вопрос о сроке возвращения Иисуса Христа. Писание не дает нам никаких оснований для вычисления этой даты, а Иисус особо подчеркивает, что нам не дано знать времена и сроки, которые Отец установил Своей властью (см. Деян 1:7). Тем не менее, некоторые "отважно" пытаются определить этот срок. Причину таких попыток я вижу в естественном любопытстве, соединенном с поверхностным чтением пророческих предсказаний. Впрочем, какова бы ни была причина, не следует связывать достоверность Евангелия с рискованными суждениями, не имеющими никаких оснований. Один лишь XX век знает множество ошибочных предсказаний, в которых древние пророчества привязывались к современным событиям на основании поверхностных аналогий; результатом был лишь подрыв веры в Евангелие[3]. Едва ли можно найти извинение для тех, кто занимается прогнозами такого рода.

Библия часто проявляет большую сдержанность при освещении вопросов, о которых нам хотелось бы знать побольше. Любопытство нередко склоняет нас к попыткам "исправить дело", но мы не должны поддаваться этому искушению. Бог знает, что делает. Мы должны оставить то, что Ему было угодно сокрыть от нас, на Его усмотрение. Поддаваясь любопытству, мы только запутываем дело и к тому же отвлекаем себя и других от настоящих проблем, достойных внимания. По своему опыту я знаю, что значительная часть проблем, заставляющих людей тревожиться, — это псевдопроблемы; они не должны становиться препятствием на пути к вере.

Маркс, Фрейд и феминизм

Существует другая категория трудностей, которые также не следовало бы воспринимать как проблемы веры. Тем не менее это

достаточно серьезные трудности, представляющие немало проблем для верующих. Речь идет об учениях, открыто противостоящих религии вообще и христианству в особенности, хотя на самом деле они ни в малейшей мере не опровергают само Евангелие и их нападки бьют мимо цели. В той мере, в какой эта критика вообще имеет отношение к существу дела, она должна побудить нас очистить свое понимание веры от заблуждений, вернувшись к подлинно библейским воззрениям.

В частности, это относится к антирелигиозным выпадам Карла Маркса. Он утверждал, что религия — это опиум народа (имея в виду, что вера отвлекает людей от борьбы за свои интересы) и что религия оправдывает несправедливое общественное устройство. Но он также признавал, что современная ему церковь сильно отличается от библейского идеала; Библия же настаивает на справедливости для всех, и в особенности для бедных. Поэтому мы можем увидеть в критике Маркса указание на свои реальные недостатки, воспринять их как призыв вернуться к собственным корням, к учению пророков и апостолов и очнуться от столбняка, закоснев в котором мы превращаемся в подпорки для несправедливого социального порядка. Критика Маркса, по существу, относится не к Благой Вести, а к церкви, забывшей о своем истинном предназначении.

В России марксизм оказался бичом Божьего гнева для церкви, которая стала официозной и приняла "правила игры" мира сего. Сегодня христианство на всей территории бывшего Советского Союза — это совершенно иная сила, не похожая на дореволюционную церковь. Картину этого преображения живо нарисовал Александр Солженицын.

Маркс, таким образом, создал трудности для религии буржуазного общества, но не для Евангелия Иисуса Христа. Не принимая его экономического учения, которое на практике показало свою несостоятельность, я не пытаюсь упрекать его, но, напротив, благодарен ему за справедливую критику.

Нечто подобное можно сказать и о нападках на религию со стороны Зигмунда Фрейда. Он рассматривал веру в Бога как инфантильную проекцию стремления к безопасности. Религия, как он полагал, есть создание иллюзорной реальности, отражающей наши желания. Примеры, которые он использовал, были, пожалуй, наихудшими их возможных. Он не принимал всерьез Исайю или Амоса, Иисуса или Петра, Блеза Паскаля или Карла Барта. Он обвинял титанов духа, по-

стоянно стремившихся честно и критически анализировать собственные воззрения, в разнообразных заблуждениях — вывод, с которым трудно согласиться. Фрейд изобразил все мировые религии в карикатурно искаженном виде; в особенности это относится к христианству, которое он даже не попытался понять.

Многое из того, что он сказал о невротической религиозности, конечно, верно и заслуживает внимания. Однако нигде в его сочинениях нет ни малейшего намека на попытку рассмотреть религию в ее лучших проявлениях; Фрейд не дал себе труда задуматься над тем, что означает вера для людей честных и не менее умных, чем он сам. Его критика Евангелия бьет мимо цели, свидетельствуя о том, что он, по существу, не понял его.

Евангелие и в самом деле удовлетворяет насущнейшие потребности человека. Но оно не просто приобретение, которым можно воспользоваться. Его принятие накладывает громадную ответственность. Жизнь была бы намного проще, если бы не существовало высоких моральных требований, предъявляемых Иисусом. Тот, кто характеризует веру в Христа как проекцию желаний, просто не знает того, о чем говорит. Паскаль очень хорошо охарактеризовал подобную критику: "Пусть они хотя бы узнают, что представляет собой религия, на которую они нападают, прежде чем нападать на нее"[4].

Все же, вопреки своим собственным намерениям, Фрейд оказал вере ценную услугу. Его критика дала возможность обнаружить такие проявления религиозности, которые и в самом деле невротичны и инфантильны. Нападки Фрейда сослужили добрую службу христианству, отсекая критическим скальпелем больные ткани, наросшие на теле подлинной веры. Фрейд не дает нам повода отвергать веру, но помогает увидеть ее подлинные основания, понять, почему можно и нужно верить Благой Вести.

Третий пример критики, которая в действительности оказывается скрытым благословением христианству, — это критика, раздающаяся из рядов движения феминисток. Женщины обычно были лучшими друзьями церкви; сейчас, однако, можно услышать обвинение, что церковь никогда не была лучшим другом женщин, что она дискриминировала женщин, отказываясь признать их полноценными личностями, не признавая ценности их даров и призваний; церковь обвиняют в том, что мужской шовинизм отразился даже в церковном языке.

В этом случае обвинение выдвигается против исторической практики церквей, но опять-таки не против Евангелия, на котором эти

церкви, по их утверждению, основаны. Поэтому это обвинение равносильно призыву к реформам, к возвращению к истокам веры. Само Евангелие содержит могучий призыв к освобождению женщин. Оно гарантирует им эмансипацию от мужского господства, сложившегося в церковной практике. Именно Евангелие, а не мирской гуманизм создает подлинную основу для защиты достоинства женщин, а равно для защиты достоинства любой личности, независимо от принадлежности к какой-либо группе. "Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе" (Гал 3:28).

На первый взгляд, все приведенные критические замечания могут выглядеть как сильнейшие удары по вере. Но мы видели, что дело обстоит совершенно иначе. Они действуют как резцы, счищающие ракушки, приставшие к кораблю веры. Такие обвинения можно приветствовать, поскольку они в конечном счете совершенствуют наше понимание истины Слова Божьего. Они побуждают нас верить Божьему откровению в его подлинном виде, не смешивая его с человеческими заблуждениями.

Подлинные трудности

Некоторые возражения в адрес христианского вероучения нельзя назвать необоснованными или направленными не по адресу; они имеют реальную основу. Это и не удивительно, если учесть отмеченную нами неполноту откровения и ограниченность человеческого мышления. В то же время я удивляюсь тому, как *мало* реальных трудностей существует, а также тому, что и существующие имеют если и не полное решение, то, по крайней мере, вполне разумное объяснение. Я не нахожу, что из-за них христианская позиция оказывается в худшем положении, чем какое-либо иное мировоззрение; скорее напротив, в этих трудных моментах христианское благовестие показывает свое преимущество, поскольку всегда в состоянии указать на возможное решение.

Одна из таких реальных трудностей — это проблема зла. Как может быть, чтобы благой Бог допускал такие страдания и такие злодеяния во вселенной, которой Он управляет? Я полагаю, что большую часть вины за зло несет сам человек, злоупотребивший данной ему при сотворении свободой, и причина, по которой Бог попускает злые дела, кроется в Его уважении к автономии человека. Едва ли есть смысл сетовать на то, что в мире допускаются как благие последствия нравственных поступков, так и печальные результаты злодеяний.

Но хотя Библия и возлагает на человека долю ответственности за зло, она признает также, что проблеме зла присуще и иное, таинственное измерение, которое она не пытается объяснить. Первые несколько стихов Библии передают присутствие темной силы хаоса, которая существовала уже в самом начале бытия мира, до того, как Бог сотворил землю: "Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною..." (Быт 1:2). Использованные здесь слова говорят о чем-то ином, чем просто "еще не сотворенном", и создают впечатление о своего рода оппозиции Божьей воле и Слову. Библия почти ничего не говорит о происхождении и природе этой темной реальности, угрожающей Божьему правлению, и у нас нет того исчерпывающего объяснения, которое мы бы хотели получить[5].

Но парадоксальным образом мы имеем ответ на этот вопрос. Ответ, который нам дан, состоит не в объяснении того, каково начало зла, а в надежде на его конец. Решение проблемы зла положено в основу Евангелия. Если бы зла не было, не было бы и необходимости в Благой Вести.

Евангелие предлагает реальный способ борьбы со злом, и никакая философская доктрина не может найти лучшее решение. Евангелие называет Богом Того, Кто, воплотившись в Иисусе Христе, принял на себя все страдание и боль мира и Кто Своим воскресением дает всем нам обещание спасения. Несмотря на то, что зло продолжает присутствовать в мире, Благая Весть дает нам надежду, потому что позволяет увидеть грядущее освобождение всего творения. Христианский ответ на проблему зла основан не на философских построениях, но на действии Самого Бога, направленном против зла; ответом на зло является Сам Иисус Христос и то, что Он совершил.

Разве такое решение не является самым лучшим? Разве для большинства людей не важнее получить надежду на избавление от зла, чем получить объяснение происхождения этой проблемы? Как теоретическая трудность для философов и богословов, проблема зла так и останется, по-видимому, до конца невыясненной. Но ее практическим решением, касающимся всего человечества, является торжество Иисуса Христа в Его сражении со злом. Читатель сам должен решить, что важнее. Если бы вы спросили кого-нибудь из первых христиан, что он думает о проблеме зла и что он намерен делать для ее решения, он бы ответил не колеблясь: "Я верю в Благую Весть!" Лично мне ни разу не доводилось услышать лучший ответ.

Для некоторых людей проблема зла усугубляется наличием христианского учения об аде и окончательном суде. Энтони Флю иронически замечает: "Все становится неизмеримо сложнее, потому что вы еще хотите, чтобы был ад"[6]. В ответ я скажу несколько слов об идее Божьего суда в конце человеческой истории.

Проблема зла сделалась бы еще "сложнее", как выразился Флю, как раз в том случае, если бы история кончилась без дня расплаты. Мир без суда был бы миром, где несправедливость никогда не была бы устранена, а злодеяния остались неотмщенными. Это означает, что не будет никакой попытки устранить последствия преступлений против Божьего величия и человеческого достоинства. Если занять подлинно нравственную позицию в этом вопросе, то следует признать: такой день должен быть. Только это может придать смысл нашим моральным побуждениям, ибо Божье осуждение зла — это оправдание и наших представлений о справедливости. Евангелие содержит предупреждение о грядущем суде, и к этому предупреждению нужно отнестись серьезно.

Было бы неверно сказать, что кто-то "хочет" ада. Я думаю, большинство христиан согласятся с К.С.Льюисом, который заметил: "Нет ни одного учения, которое я с такой охотой устранил бы из христианства, будь это в моей власти"[7]. Но мы не можем сделать этого по двум причинам: во-первых, Сам Христос поддерживает это учение, а во-вторых, потому, что в нем есть очень глубокий смысл. Раз Евангелие дано нам, чтобы мы его приняли, значит, его можно и отвергнуть. Бог никого не принуждает силой принять Его.

Конечно, было бы приятно думать, что все будут спасены. Однако возникает вопрос: "А все ли хотят спасения?" На что была бы похожа любовь Бога, если бы она была принудительной? Ад существует потому, что Бог уважает нашу свободу и относится к нашему выбору даже серьезнее, чем иногда хотелось бы нам самим. Бог хотел бы, чтобы ад был пуст, но если так не случится, нельзя обвинять Его в этом. Дверь ада заперта изнутри. Не христиане "хотят" ада, а те, кто не желает покаяться в своих грехах.

Возможно, главные возражения по поводу учения об аде возникли под влиянием средневековых представлений: пламя, вилы, бесы в красных одеяниях. Христиане сами виноваты, что к образам, данным в Писании, они добавили нечто от себя, слишком буквально истолковав картины, представленные в Слове Божьем. Цель этого учения — подчеркнуть ужас существования без Бога. Наказание, как я

верю, будет состоять не столько в муках, которым подвергается погибшая душа под действием внешних сил, сколько в скорби о безумном решении — самому разыгрывать роль бога — и горьких плодах этого выбора. Грешники в аду получат ту ужасную свободу, которую они сами выбрали.

Своей смертью и воскресением Христос сделал все возможное для того, чтобы никто не попал в ад. Я не могу понять, каким образом это учение может усугубить проблему зла.

Как быть с сомнением

Даже после того, как вы уже решите принять Христа, вы не избавитесь от сомнений. Сама Библия откровенно показывает верующих, выражающих великое замешательство и смятение, когда их дела идут не так, как они хотели бы. Прежде, чем наступит окончательное искупление, враг будет действовать, пытаясь подорвать нашу веру в Христа. Чувство сомнения — это часть боевых действий, идущих между Царством Божьим и миром греха и смерти. Вера, даже когда она подтверждена доказательствами, не кладет конец противостоянию.

Однако Бог не оставляет нас на произвол судьбы. Когда Фома, один из учеников Иисуса, отказался поверить свидетельствам своих друзей о явлении воскресшего Господа, Он Сам пришел к нему и помог преодолеть сомнение. Это привело к тому, что Фома сделал величайшее признание, которое является кульминационным пунктом Евангелия от Иоанна: "Господь мой и Бог мой!" (Ин 20:28). Правда, в этом отрывке содержится и элемент упрека: Фома должен был бы поверить тем доказательствам, которые уже имелись у него в распоряжении, и не настаивать на том, чтобы засвидетельствовать все собственными глазами, что для нас теперь невозможно. Но все же Бог великодушно помог ему справиться с сомнением, проведя его через это сомнение к более глубокой вере. Я верю, что Он сделает это и для любого из нас.

Я еще не упомянул о самой большой трудности. Большинство тех, кто не верит Благой Вести, имеет ошибочное представление о Самом Боге. С какой стати им верить в Бога, Которого они считают бесконечно далеким, деспотичным, бесчувственным, строгим и т.п.? При таком взгляде едва ли помогут интеллектуальные аргументы, едва ли возникнет желание служить такому Богу, поклоняться Ему, тем более, любить Его. Неправильное представление о Боге во все времена было и остается величайшим препятствием к тому, чтобы стать

христианином; однако если мы правильно понимаем Его отношение к человеку, то это более всего влечет нас стать членом Его семьи.

В образе Бога, явленном нам через христианское благовестие, есть что-то неотразимое. Это образ Бога с человеческим лицом. Это Тот, Кто создал нас, поддерживает наше существование и хочет быть нашим Отцом. Его замыслы о нас — это добрые замыслы, Его обещания охватывают все, что нам нужно. Он любит нас вечной любовью и смыл все наши грехи кровью Своего Сына. Трудно, хотя и не невозможно, отвергнуть Такого Бога. И я не понимаю, как можно Его отвергнуть.

Заключение

Я убежден, что вера не должна бояться испытания разумом и что христианское благовествование подтверждается фактами. Это не догмат, который нужно принять не рассуждая, как установленный высшим авторитетом, и не самоочевидная истина, не требующая доказательств. Это надежное утверждение, проверяемое с помощью опыта и логики. Благая Весть отвечает нашим экзистенциальным потребностям, придает смысл нашему религиозному опыту, выдерживает тщательное исследование разумом, согласуется с историческими данными и отвечает нашим нравственным потребностям. Она проверена во всех пяти областях наших исследований, и мы нигде не обнаружили недостатков. Она открыта для испытаний и может противостоять любой критике.

Говоря о пяти *кругах*, я хотел дать наглядное представление о пяти основных областях свидетельств, поддерживающих убеждение в истинности христианства. Я мог бы выбрать и другой образ.

С одной стороны, каждый круг вносит свой особый вклад в общую структуру аргументации. Для людей различных профессий и характеров, с разным воспитанием и образованием одни доказательства покажутся более убедительными, чем другие. Но каждый из пяти кругов необходим для создания полновесной аргументации.

С другой стороны, можно сказать, что пять кругов образуют пять звеньев единой цепи, которые, следуя друг за другом, приводят наконец к заключению, что решение принять Христа — осмысленно и целесообразно.

Истинность христианства подкрепляется не одним аргументом, а совокупностью аргументов, которые совместно создают прочную основу веры.

В ходе изложения я старался не преувеличивать (но и не преуменьшать) степень убедительности приводимых аргументов. Я сознаю, что многие, пытавшиеся убедить других в истинности христианской веры, часто придавали своим аргументам большую значимость, чем это позволяли факты. В результате развертываемая аргументация выглядела гораздо менее убедительной, чем являлась в действительности. Я также сознаю, что в самом существовании человека есть загадка (см. Книгу Екклесиаста) и что на многие важные вопросы не может быть дано удовлетворительного ответа.

В то же время аргументы в пользу христианского благовестия широко доступны и, я уверен, производят весьма сильное впечатление. Мы не можем ждать, пока исчезнет всякая неясность, чтобы начать думать о последних вопросах бытия. Решение нужно принять, несмотря на риск ошибиться. Но степень риска существенно уменьшается благодаря свидетельствам, указывающим на истинность Евангелия. Нам следует отнестись к этим свидетельствам очень серьезно. Нет никакого смысла ждать несомненных проявлений Божьего могущества. Бог уважает нашу свободу, а потому лишь предоставляет нам надежные свидетельства, обладающие способностью убеждать, а затем предлагает нам самим сделать выбор.

В начале книги я рассматривал нашу способность анализировать события и факты, делать определенные выводы. К этой способности я по преимуществу и апеллировал по ходу изложения. Но в познании есть и другой аспект, о котором мне хотелось бы сейчас упомянуть. Дело в том, что все мы видим мир со своей собственной точки зрения. Факты доходят до нас сквозь призму нашего мировоззрения, которое влияет на наше восприятие. Но иногда мы обнаруживаем, что эти же факты обязывают нас изменить мировоззрение. Я призываю вас подумать, не следует ли вам пересмотреть свою точку зрения и посмотреть на реальность в иной перспективе, с позиции веры в Иисуса Христа. Я пытался показать причины, по которым это следует сделать.

Я убежден, что Господь протягивает вам руку. Он любит вас и призывает вас к сотрудничеству. Остаться вдали от Него (а это, конечно, возможно) — значит потерять жизнь и то высокое назначение, которое дано каждому человеку. Любовь и доверие к Нему означают путь к вечной жизни, участие в труде по спасению всего творения, ко-

торый и составляет смысл всей человеческой истории. Признать Христа Господом — не унижение, а начало подлинной жизни.

Поэтому я призываю: откройтесь Богу, признайтесь, что сами вы не можете жить справедливой и святой жизнью, и решитесь следовать за Христом. Действуйте на основании аргументов, которые предлагаются вам, и примите призыв к спасению, который к вам обращен. Отзовитесь на слова Господа:

> "Приидите ко мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко" (Мф 11:28-30).

Примечания

Предисловие

[1] Желающим познакомиться с трудами христианских апологетов прошлого я рекомендую прочитать книгу Эвери Даллса *История апологетики* [Avery Dulles, *A History of Apologetics* (Philadelphia: Westminster, 1971)].

[2] Прекрасный обзор подобного рода размышлений о вере с точки зрения евангельских христиан вы найдете в книге Гордона Льюиса *Проверка на достоверность — различные подходы к христианской апологетике* [Gordon R. Lewis, *Testing Christianity's Truth Claims: Approaches to Christian Apologetics* (Chicago: Moody Press, 1976)].

Введение. Существуют ли разумные основания для веры?

[1] Дополнительные сведения по этому вопросу вы можете найти в книге Ф. Ф. Брюса *Защита Благой Вести в Новом Завете* [F. F. Bruce, *The Defense of the Gospel in the New Testament* (Grand Rapids: Eerdmans, 1959)].

I. Первый круг: прагматическая основа веры

[1] *Гуманистические манифесты I и II*, под ред. Пола Курца [*Humanist Manifestos I and II*, ed. Paul Kurtz (Buffalo: Prometheus Books, 1973)].

[2] К. Геерц (Clifford Geertz) раскрыл свое понимание религии в работе "Религия как культурная система", опубликованной в сборнике *Религиозная ситуация* ["Religion as a Cultural System", *The Religious Situation*, ed. Donald Cutler (Boston: Beacon Press, 1968)], а также в своей книге *Интерпретация культур* [*The Interpretation of Cultures* (New York: Basic Books, 1973)].

[3] Х. Блэкем, *Доводы против гуманизма* [H. J. Blackham, *Objections to Humanism* (London: Constable, 1963)], с. 105-127.

[4] П. Бергер, *Слух об ангелах: современная наука и новые открытия сверхъестественных явлений* [Peter L. Berger, *Rumor of Angels: Modern Society and the Rediscovery of the Supernatural* (New York: Doubleday, 1969)], с. 61-94.

[5] Блез Паскаль, *Мысли* [Blaise Pascal, *Pensees*, ed. L. Brunschvicg, trans. W.F. Trotter (New York: Modern Library, 1941)], с. 60-61.

[6] См. кн. Джона Хика *Смерть и вечная жизнь* [John Hick, *Death and Eternal Life* (New York: Harper and Row, 1976)], с. 147-167.

[7] Рональд Грин, *Обоснование религии: рациональные и моральные доводы в пользу религиозной веры* [Ronald M. Green, *Religious Reson: The Rational and Moral Basis of Religious Belief* (New York: Oxford University Press, 1978)].

[8] Айн Рэнд, *Добродетель себялюбия: новая концепция эгоизма* [Ayn Rand, *The Virtue of Selfishness: A New Concept of Egoism* (New York: New American Library, 1964)].

[9] С особенной ясностью показано, насколько точно соответствует христианское учение о грехе повседневному жизненному опыту, в произведениях Л. Джилки

(Langdon Gilkey), например, в его книге *Шантун* [*Shangtung Compound* (New York: Harper and Row, 1966)].

[10] Ш. Огден, *Реальность Бога* [Schubert M. Ogden, *The reality of God* (New York: Harper and Row, 1966)], с. 37.

[11] Из современных нам апологетов лучше всех выразил этот аргумент Фрэнсис Шеффер (Francis A. Schaeffer).

[12] К. С. Льюис, *Просто христианство* [C. S. Lewis, *Mere Christianity* (London: Collins, 1952)], с. 118; в русском издании (Льюис К. С. *Просто христианство. Бог под судом*. — М.: Гендальф, 1994) — с. 131.

II. Второй круг: религиозный опыт как основа веры

[1] Х. Льюис, *Опыт познания Бога* [H. D. Lewis, *Our Experience of God* (London: Allen and Unwin, 1959)], с. 65.

[2] Д. Элтон Трублад, *Познание Бога* [D. Elton Trueblood, *The Knowledge of God* (New York: Harper and Row, 1939)], с. 1.

[3] Блез Паскаль, *Мысли* [Blaise Pascal, *Pensees*, ed. Louis Lafuma, trans. John Warrington (London: J. M. Dent, 1960)], с. 203.

[4] Цитата приводится в книге Чарльза Гликсберга *Литература и религия* [Charles I. Glicksberg, *Literature and Religion* (Dallas: Southern Methodist University Press, 1960)], с. 221-222.

[5] Другие примеры можно найти в книге Нормана Гайслера *Философия религии* [Norman L. Geisler, *Philosophy of Religion* (Grand Rapids: Zondervan, 1974)], с. 13-83.

[6] См. также кн. Э. Грили, *Человек в поисках Бога, Устойчивость религии* [Andrew M. Greeley, *Unsecular Man, The Persistence of Religion* (New York: Schocken Books, 1972)].

[7] К. С. Льюис, *Просто христианство* [C. S. Lewis, *Mere Christianity*], с. 62 (в русском издании — с. 77).

[8] Чарльз Крафт высказал некоторые соображения по поводу того, каким образом Бог открывает Себя людям через культуру. См. кн. *Христианство в культуре — живое библейское богословие в ситуации диалога культур* [Charles Kraft, *Christianity in Culture, a Study in Dynamic Biblical Theologizing in Cross-Cultural Perpective* (Maryknoll: Ordis Books, 1979)], с. 239-257.

[9] Более подробно этот вопрос освещен в книге Джеймса Данна *Иисус и Дух Святой* [James D.G. Dunn, *Jesus and the Spirit* (Philadelphia: Westminster, 1975)], с. 11-92.

[10] Этому вопросу посвящено классическое исследование Уильяма Джеймса *Многообразие религиозного опыта* [Willliam James, *Varieties of Religious Experience*, 1911].

[11] Трублад, *Познание Бога*, с. 107.

III. Третий круг: космологическая основа веры

[1] Жан Кальвин, *Наставление в христианской вере* [John Calvin, *The Institutes*, ed. John T. McNell, trans. Ford L. Battles (Philadelphia: Westminster, 1960)], I, 53 (кн. I, гл. 5, разд. 2).

[2] В. Эйкродт, *Богословие Ветхого Завета* [Walther Eichrodt, *Theology of the Old Testament* (Philadelphia: Westminster, 1967)], II, 107-113.

[3] Более подробно этот вопрос рассматривает Джеймс Ричмонд в книге *Богословие и метафизика* [James Richmond, *Theology and Metaphysics* (New York: Schocken Books, 1971)].

[4] Более подробное обсуждение — в книге Джона Хика *Аргументы в пользу существования Бога* [John Hick, *Arguments for the Existence of God* (New York: Herder and Herder, 1971)].

[5] Роберт Джастроу, "Нашли ли астрономы Бога?" [Robert Jastrow, "Have Astronomers Found God?"], *New York Times*, 25 июня 1978 г.

[6] См. Б. Лонерган, *Постижение: исследование человеческой способности понимать смысл* [Bernard J. F. Lonergan, *Insight, A Study of Human Understanding* (New York: Harper and Row, 1978)].

[7] К. С. Льюис, *Христианские размышления* [C. S. Lewis, *Christian Reflections* (Grand Rapids: Eerdmans, 1967)], с. 89.

[8] Об этом вы можете прочитать в книге Вольфхарта Панненберга *Что есть человек?* [Wolfhart Pannenberg, *What Is Man?* (Philadelpia: Fortress Press, 1970)].

[9] См. кн. Г. Оуэна *Нравственный аргумент в пользу существования Бога* [H. P. Owen, *The Moral Argument for Christian Theism* (London: Allen and Unwin, 1965)].

[10] Карл Ранер, *Основания христианской веры* [Karl Rahner, *Foundations of Christian Faith* (New York: Seabury, 1978)], с.69.

IV. Четвертый круг: историческая основа веры

[1] См. кн. Джеймса Данна *Единство и разнообразие в Новом Завете: исследование характерных особенностей раннего христианства* [James D. G. Dunn, *Unity and Diversity in the New Testment: An Inquiry into the Character of Earliest Christianity* (London: SCM, 1977)].

[2] Рудольф Аугштайн, *Иисус, Сын Человеческий* [Rudolf Augstein, *Jesus, Son of Man* (New York: Urizen Books, 1977)].

[3] Дж. Робинсон, *Новые датировки книг Нового Завета* [J. A. T. Robinson, *Redating the New Testament* (London: SCM, 1976)].

[4] Иоахим Иеремиас, *Богословие Нового Завета; Возвещение Иисуса* [Joachim Jeremias, *New Testament Theology, The Proclamation of Jesus* (New York: Scribner's, 1971)], с. 37. В другой книге Дж. Робинсон задает резонный вопрос: "Почему этот принцип должен быть ограничен лишь синоптическими Евангелиями, когда то же самое можно сказать и о Евангелии от Иоанна?" (Дж. Робинсон, *Можем ли мы доверять Новому Завету?* [J.A.T. Robinson, *Can We Trust the New Testament?* (Grand Rapids: Eerdmans, 1977)], с. 132).

[5] См. Шервин-Уайт, *Римское общество и римское право в Новом Завете* [A. N. Sherwin-White, *Roman Society and Roman Law in the New Testament* (Oxford: Clarendon Press, 1963)].

[6] Образ жизни Иисуса прекрасно описан в книге Г. Кюнга *Быть христианином* [Hans Kung, *On Being a Christian* (London: Collins, 1976)], с. 177-277.

[7] Джеймс Данн, *Иисус и Дух Святой*, с. 76-82.

[8] О том, кем считал Себя Иисус, вы можете прочесть в книге Маршалла *Происхождение христологии Нового Завета* [I. H. Marshall, *The Origins of New Testament Christology* (Downers Grove: InterVarsity Press, 1976)].

[9] К. С. Льюис, *Просто христианство*, с. 52-53 (в русском издании — с. 66-67).

[10] Учение иудаизма о воскресении мертвых обсуждается в книге Дж. Лэдда *Я верю в воскресение Иисуса Христа* [G. E. Ladd, *I Believe in the Resurrection of Jesus* (Grand Rapids: Eerdmans, 1975)], с. 51-59.

[11] Джеймс Данн, *Иисус и Дух Святой*, с. 95-134.

[12] Ричард Пертилл *Размышления о религии* [Richard L. Purtill, *Thinking about Religion* (Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1978)], с. 70.

V. Пятый круг: социально-этические свидетельства веры

[1] *Пасторская конституция "О Церкви в современном мире",* разд. 21 в сб. *Документы II Ватиканского Собора* [Pastoral Constitution on the Church in the Modern World, sec. 21 in Documents of Vatican II, ed. Walter M. Abbott (New York: Guild Press)], с. 219.

[2] Августин, *Исповедь*, кн. 8.

[3] Харви Кокс, который провел некоторое время в общении с этими религиозными группами, делится своими наблюдениями и впечатлениями в книге *Тяга к Востоку: обещания и опасности новых восточных культов* [Harvey Cox, *Turning East: The Promise and Peril of the New Orientalism* (New York: Simon and Schuster, 1977)].

[4] Г. Кюнг отстаивает этот тезис в своей мастерски написанной книге *Быть христианином* [Hans Kung, *On Being a Christian* (London: Collins, 1977)].

[5] Дополнительные сведения о социальном аспекте учения Иисуса Христа см. в кн. Дж. Йодера *Первая революция* и *Политика Иисуса* [John H. Yoder, *The Original Revolution* (Scottsdale: Herald Press, 1971); *The Politics of Jesus* (Grand Rapids: Eerdmans, 1972)].

[6] В. Э. Х. Леки, *История нравов Европы от Августа до Карла Великого* [W. E. H. Lecky, *History of European Morals from Augustus to Charlemagne* (New York: Braziller, 1955)], II, 8-9.

[7] А. Гарнак, *Распространение христианства в первые триста лет его существования* [A. Harnack, The Expansion of Christianity in the First Three Centuries (New York: Putnam's, 1904)], I, 190-249.`

[8] Евсевий, *История Церкви*, IX, 8.14.

[9] Леки, *История нравов Европы...*, II, 100-101.

[10] См. кн. Дональда Дейтона *Открытие евангельского наследия* [Donald Dayton, *Discovering an Evangelical Heritage* (New York: Harper and Row, 1976)].

[11] Пасторская конституция "О Церкви в современном мире", с. 200.

[12] Кеннет Скотт Латуретт, *Путь через бурю* [Kenneth Scott Latourette, *Advance Through Storm* (New York: Harper and Row, 1945)].

[13] Тезис о том, что именно евангельские христиане могут адекватно ответить на вызов времени, отстаивает Джереми Рифкин в своей книге *Новый подход: глобаль-*

ная трансформация экономики и вторая протестантская реформация [Jeremy Rifkin, *The Emerging Order: The Great Economic Transformation and the Second Protestant Reformation* (New York: Putman, 1979)].

[14] См. Пол Витц, *Психология как форма религии: поклонение самому себе* [Paul Vitz, *Psychology as Religion: The Cult Of Self-Worship* (Grand Rapids: Eerdmans, 1977)].

VI. Если вы сомневаетесь

[1] Полезную информацию на эту тему вы можете найти в следующих книгах: Ричард Бьюб, *Человек в поисках истины: новый взгляд на науку и христианскую веру* [Richard H. Bube, *The Human Quest: A New Look at Science and the Christian Faith* (Waco: Word, 1971)]; Роберт Ньюман и Герман Эккельман, *Первая глава Книги Бытия и происхождение Земли* [Robert C. Newman and Herman J. Eckelmann, Jr., *Genesis One and Origin of the Earth* (Downers Grove: InterVarsity Press, 1977)]; Дуэйн Терман, *Размышляя об эволюции* [L. Duane Thurman, *How to Think about Evolution*, 2nd ed. (Downers Grove: InterVarsity Press, 1978)]. В последней из упомянутых книг речь идет скорее о новом подходе к дискуссии, о том, как искать и находить истину, а не об окончательных выводах.

[2] Дополнительные сведения по этому вопросу можно найти в книге Дж. Андерсона *Христианство и сравнительное религиоведение* [J. N. D. Anderson, Christianity and Comparative Religion (Downers Grove: InterVarsity Press, 1970), с. 91-111, а также в цит. выше кн. Ч. Крафта, *Христианство в культуре*, с. 253-257.

[3] См. Дуайт Вильсон, *Армагеддон сегодня!* [Dwight Wilson, *Armageddon Now!* (Grand Rapids: Baker, 1977)].

[4] Цит. по кн. Элтона Трублада *Философия религии* [Elton Trueblood, *Philosophy of Religion*], где вы можете найти очень точные комментарии, касающиеся учений Маркса и Фрейда (гл. 12-13).

[5] Барт глубоко рассмотрел данную проблему, но все же не снял с нее покрова тайны. См. раздел "Бог и ничтожество" в его *Церковной Догматике* [Barth, *Church Dogmatics* (Edinburgh: T. and T. Clark, 1961)], III/3, 289-368.

[6] Энтони Флю, *Бог и философия* [Antony Flew, *God and Philosophy* (London: Hutchinson, 1966), с. 56.

[7] К. С. Льюис, *Страдание* [C. S. Lewis, *The Problem of Pain* (London: Collins, 1940)], с. 106; в русском переводе (М.: Гнозис-Прогресс, 1991) — с. 98.